

Елена Эйхен

ПРОКЛЯТЫЙ ОХОТНИК!

НАЙТИ ВЕДЬМУ ПУСТОШИ

Елена Эйхен

**Проклятый охотник:
найти ведьму Пустоши**

«Автор»

2026

Эйхен Е.

Проклятый охотник: найти ведьму Пустоши / Е. Эйхен —
«Автор», 2026

Я — беглая ведьма, изгой в королевстве. Даже моя исцеляющая магия считается преступлением. Чтобы выжить, я вынуждена скрываться под личиной бедной сироты-служанки в мрачном особняке на отшибе. Но я и представить не могла, чей кабинет придётся убирать... и для кого по утрам заваривать лавандовый чай... Рейнар Ванторн — легендарный охотник на ведьм, чьё имя произносят только шёпотом. Его холодный взгляд пронзает насквозь, а голос отзывается дрожью в сердце. А ещё по городу ходят слухи, что ему — только вдумайтесь! — около тысячи лет... Я лишь хотела слиться с тенью, остаться незаметной... но умудрилась привлечь к себе его внимание... Тем временем в городе стали бесследно исчезать чародейки, и жители обвиняют в этом ведьм. Значит — я обречена и нужно бежать. Но как это сделать, если враг следит за каждым шагом? Обложка: Vi Ray

© Эйхен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Эйхен

Проклятый охотник: найти ведьму Пустоши

*«Даже в кромешной тьме,
когда беспощадный охотник ступает по следу жертвы,
в глубине сердца ведьмы тлеет искра —
та, что раны любой души исцелить способна,
даже если та давно забыла о свете».*

*«Книга Ведьм», Хроники Древней Пустоши
(запись из обрядового свитка XIV века)*

Глава 1

Я вообще не должна была здесь находиться.

Кралась, стараясь не дышать – любой звук мог выдать мое присутствие, а этого допустить нельзя. Но вдруг предательски скрипнула половица, и я замерла, зажав рот ладонью. Холодные стены дышали тьмой, а тени казались угрожающе живыми. Занавеска на окне дрогнула от порыва ветра. За спиной послышался шорох.

А дальше... Ничего. Тишина. Только размеренное дыхание спящего. Я выдохнула. Полгода. Всего полгода – и я покину королевство. Вот только денег немного заработаю. Но пока... Я осторожно шагнула вперёд, стараясь не думать о том, что хозяин замка и спальни поклялся наказать любого, кто потревожит его сон. А он слов на ветер не бросает. Но раненый птенец в комнате для прислуги – важнее страха.

Я проскользнула мимо массивного комода, стараясь не задеть тяжелую скатерть, лениво сползающую с края. В полумраке очертания предметов размывались, превращая знакомую обстановку в затаившийся лабиринт теней. Шкаф возвышался, словно молчаливый страж, охраняющий чужие секреты, кровать тонула в темноте, казалась бесконечно огромной. Воздух пропитался вязким ароматом трав.

Внезапное прикосновение к щиколотке заставило замереть. Сердце рвануло к горлу, а пальцы судорожно сжались в кулаки. Лишь через мгновение я поняла – всего лишь складка ковра, выбившаяся из-под кровати. Напряжение медленно отпустило, но холодок страха всё ещё блуждал по спине.

Ещё два шага – и я у стеллажа. Я точно знала, где спрятана заживляющая мазь – видела, когда приносила чистые полотенца. Пальцы скользнули по деревянной поверхности, нащупали прохладную склянку. По запаху – то, что надо. Почти получилось... Ещё секунда – и вот она уже в моём кармане.

Молодец, стрекоза! Теперь не дай крылышкам запутаться!

Я уже ринулась к двери, но внезапно сильные пальцы сомкнулись на запястье стальным капканом. Рывок – и воздух вырвался из лёгких. Ноги подкосились, а в следующее мгновение я рухнула, увязнув в мягких простынях. Крепкое тело накрыло меня, пригвоздив к постели, ладонь сжала руку, лишая даже призрачного шанса на побег. Сердце бешено забилося в груди, когда я увидела его горящие глаза.

Ради этого птенца я готова была на многое. Даже пробраться в логово человека, который грозился вышвырнуть слугу с балкона за малейший шум этой ночью. Мама говорила: нужно беречь каждую жизнь, и я отчаянно следовала её словам, всякий раз представляя, что она снова рядом и улыбается, ласково глядя на меня. Но готовить зелье самой – значит копаться в травах до рассвета, а это верный способ выдать себя. Лучше уж украсть. Пусть и рискуя оказаться на том самом балконе.

Хозяин замка и правда был измотан. Поговаривали, не спал целую неделю, охотясь на ведьм северной границы. Его глаза, затуманенные сном, казались тёмными, как небо перед бурей. Лёгкий запах дыма, смолы и пряных трав с его кожи, смешался с ночной прохладой. Я впервые видела его так близко и невольно засмотрелась: тёмные волосы, резкая линия скулы, тень щетины на челюсти, глубокая морщина между бровей. Поговаривали, что ему не меньше тысячи лет от роду... Возможно ли такое?

Луна осветила комнату серебристым светом. Холодный луч скользнул по подушкам, выхватывая меня, надежно зажатую между мягкой постелью и крепким телом. Хозяин медленно наклонился. Его взгляд скользнул по моему лицу: задержался на дрожащих веках, переместился к губам. Горячее дыхание коснулось щеки, заставляя кожу загореться. Сердце про-

пустило удар. Я застыла, боясь пошевелиться, ощущая каждым нервом жар его тела и стальную хватку на запястье.

– Кто ты? – глубокий, чуть хриплый ото сна голос раздался над самым ухом. Казалось, он пытается проникнуть в мои мысли, считать их. – Что ты здесь делаешь?

– Никто... – выдохнула я, едва шевеля губами. – Ничего не делаю.

Ещё мгновение – и его губы коснутся моих... Паника птицей забилась в груди, готовая вырваться криком.

Судорожно перебирая в голове заклинания, я отыскала нужное. Выдохнула слова в его губы и напряжённо замерла.

Дыхание хозяина выровнялось, тело обмякло, а пальцы медленно разжались и скользнули на простыню. Он погрузился в глубокий, тяжёлый сон, сотканный из моего шёпота. Превосходно, Стрекоза! Недаром сёстры по заточению дали тебе это прозвище. Мысль вспыхнула лихорадочной радостью. Утром он ничего не вспомнит. В этот раз снова удалось выкрутиться! Ловкая, неуловимая Эсмеральда!

Если бы он узнал, кто я на самом деле и что натворила... Это стало бы моим смертным приговором – в самом прямом смысле. Огонь или петля – вот весь выбор для беглой ведьмы-преступницы, оказавшейся в руках лучшего охотника королевства. И совсем не важно, что мой единственный грех – целительство, дарованное от рождения. Ну и побег, конечно...

Желудок сжался в тугой узел.

Но когда добрая, ничего не подозревающая Лисса устроила меня прислугой в этот огромный замок, могла ли я представить, что моим хозяином окажется сам Рейнар Ванторн – гроза ведьм Аркаден? Лисса, конечно, не знала, кто я. Никто в проклятой Эсфире не знает.

И всё же – виновата я сама. Вечная импульсивность опять сыграла со мной злую шутку. Вместо того чтобы выяснить, кому принадлежит дом, узнать хоть что-то о его обитателях, я, ослеплённая мечтой, согласилась, не раздумывая. Хотела просто подзаработать и исчезнуть, ухать на самую дальнюю окраину королевства, где болота и дремучие леса скрывают не только дома, но и тех, кто больше не хочет быть найденным. Там я могла бы жить тихо – не оборачиваясь каждую секунду, не замирая от каждого шороха.

Хозяин больше не шевелился, и я поспешила убраться из его спальни. Осторожно, сантиметр за сантиметром, я высвободила онемевшую руку из-под его тяжёлой ладони. Тело горело там, где он прижимался ко мне. Откатившись на край огромной кровати, я замерла, прислушиваясь к его ровному дыханию. Никакого движения. Только луна, холодная и безразличная, освещала его профиль – резкий, властный даже во сне. Почти задыхаясь от остатков адреналина, я поднялась. Щёки горели. Ноги дрожали. Рука инстинктивно полезла в карман передника – прохладное стекло склянки успокоительно упёрлось в ладонь. На месте. Бесшумной тенью я скользнула к двери, осторожно приоткрыла её, избегая малейшего скрипа, и растворилась в объятиях тёмного, безмолвного коридора.

Холодный камень леденил босые ноги, но я почти не чувствовала этого. Страх гнал меня вперёд, к узкой лестнице, ведущей на самый верх, в чердачные помещения, где ютилась прислуга. Каждый шаг отдавался гулким эхом в собственных ушах. Я прижималась к стенам, сливаясь с тенями, пока не добралась до своей каморки – крошечной комнатки под самой крышей, где пахло пылью, сушёными травами (моими скромными запасами) и старым, изъеденным короедом, деревом.

На скрипучей табуретке, под тряпицей в углу корзинки, лежал он. Маленький, дрожащий комочек серых перьев с неестественно вывернутым крылышком – птенец, свалившийся из гнезда под кровлей прямо на голову Марте. Она хотела его выбросить, но я упростила отдать мне. Теперь его чёрные бусинки-глазки настороженно смотрели на меня.

– Тихо, малыш, тихо, – прошептала я, опускаясь на колени рядом. Руки всё ещё дрожали после встречи с хозяином, пальцы с трудом вытащили пробку из склянки. Резкий, терпкий запах мази – смесь окопника, зверобоя и магических искр ударила в нос. Аккуратно нанесла крошечную каплю липкой субстанции на место перелома. Птенец запищал, дёрнулся, но я удерживала его ладонью, нежно, но твёрдо.

– Потерпи, солнышко, потерпи...

Мазь заблестела в лунном свете, струившемся из крошечного слухового окна. Такой свет – лучший друг ведьмы-целительницы. Я чувствовала, как под пальцами слабое тельце напряглось, а потом... дрожь начала стихать. Зелье работало, снимая боль и ускоряя заживление.

Минуты тянулись как часы. Я сидела на холодном полу, прижав корзинку к груди, слушая, как дыхание птенца становится ровнее, глубже. Его страх утихал, сменяясь сонной истомой. Когда мазь впиталась, а крылышко уже не выглядело таким безжизненным, я осторожно погладила его крошечный клювик кончиком пальца. Он слабо клюнул меня в ответ – не больно, скорее, игриво. Сердце сжалось.

– Пора, малыш. Твоя мама ждёт снаружи. И застукать тебя здесь не должны. Поднявшись, я открыла слуховое окошко. Ночной воздух, холодный и свежий, ворвался в комнату. Осторожно вынув птенца из корзинки, я поднесла его к проёму. Он замер на моей ладони, почувствовав свободу, ветерок шевелил его пёрышки.

– Лети, – прошептала я.

Птенец рванул вверх, неуклюже, но с отчаянной силой, растворившись в серебристой дымке лунной ночи. Я долго смотрела ему вслед, пока комок в горле не рассосался. Хотя бы одна жизнь спасена, а значит, день прожит не зря.

Теперь бы не пропасть самой. Я надеялась, завтра хозяин обо мне и не вспомнит. Ведь жила же я у него под боком целый месяц, и он даже ни разу не посмотрел в мою сторону.

Однако утро выдалось беспокойным – всё потому, что моя дырявая голова напрочь забыла об одной его способности...

Ветер врвался в распахнутые окна коридора на втором этаже, принося с собой аромат цветущей сирени. Весенний луч рисовал на каменном полу полосы света. Перепрыгивая через них, я размышляла о том, как бы не попасться на глаза Рейнару Ванторну, а щёки почему-то пылали при воспоминании о прошлой ночи и о его пылающих глазах. Но с каждой минутой душа успокаивалась: меня никто не ищет, значит, всё в порядке.

С утра я уже вытерла пыль в главном зале, отнесла дрова на кухню, помогла Марте почистить овощи. Труд нелёгкий для любой потомственной ведьмы – когда-то мы и пальцем не пошевелили бы для кого-то, кроме себя и своих близких. Но те времена давно прошли. Теперь ведьмы живут в изгнании. Нам запрещено иметь и одну служанку. Приходится справляться самостоятельно. Да и что толку в прислуге, если у нас больше нет даже домов?

Я уже собиралась ускользнуть из замка и отправиться к озеру, но судьба как будто решила проверить мою выдержку – я столкнулась с хозяином в самом узком месте северного коридора, неся в руках стопку свежewaterглаженного белья. Он приближался уверенно, не отрывая взгляда от бумаг, погружённый в свои мысли и совершенно не глядя по сторонам. Ни малейшего намёка на вчерашнюю усталость.

Меня он не замечал. Облегчение едва не вырвалось наружу вздохом. Я прижалась к прохладной стене, стараясь стать невидимой, дать ему пройти.

Но в следующую секунду где-то внизу с грохотом обрушился поднос – звон разбитой посуды пронзительно ударил по нервам. Я вздрогнула, словно от удара, и нога соскользнула с края каменной плиты. Потеряв равновесие, я полетела вперёд. Бельё вспорхнуло в воздух белой птицей, а я угодила прямиком в объятия Рейнара Ванторна.

«Нет!» – вспыхнула паническая мысль. Только не это! Теперь я вспомнила о его способности узнавать людей через прикосновения.

Сильные руки сомкнулись на моей талии железной хваткой, а пальцы вцепились в кожу. Взгляд, рассеянный всего мгновение назад, резко сфокусировался на моём лице. В тёмных глазах вспыхнуло сначала недоумение, а потом... Губы сжались в жёсткую, почти зловещую линию.

– Подожди-ка... – произнёс он, низким, хрипловатым голосом, в котором теперь звучала угроза.

Воздух вдруг стал ледяным, словно замок сковала вечная мерзлота.

Каменный пол под ногами внезапно показался зыбким и ненадёжным. Хозяин поставил меня на ноги с ленивой грацией хищника, уверенного в своём превосходстве. Его руки – только что такие неумолимые – разжались, но власть взгляда осталась. Тёмные, глубокие глаза держали в плену крепче любых оков. Холодный, изучающий взгляд – пугающе спокойный. Любопытство без сочувствия, бесстрастная угроза, парализующая тело. Между нами – всего несколько сантиметров. Позади – стена.

«Опасность, Эсмеральда!» – стучало в висках, сливаясь с бешеным грохотом сердца. Инстинкт загнанного зверька, почуявшего дыхание волка у самой шеи.

Я собрала остатки воли и дёрнулась – резко, отчаянно, с силой, рождённой из чистого ужаса. Вырвалась! Воздух хлынул в грудь. Не думая, не оборачиваясь – только бежать. Метнулась прочь: из ловушки, из-под его пронзительного взгляда.

Коридор закружился полосами тёмного дерева и пляшущими отблесками факелов. Цель – лестница вниз, к кухонным помещениям, в царство пара, жира и гула голосов. Раствориться, исчезнуть в суете служанок и поварят!

Если больше не попаду ему на глаза – быстро забудет.

Я летела вниз по служебной лестнице, перепрыгивая через ступени, цепляясь за холодные перила. За поворотом уже виднелся знакомый серый камень кухонного пола. Ещё немного... ещё шаг...

Ступила на прохладные плиты, вдохнув влажный воздух, насыщенный ароматами жареного мяса, дрожжей и лука. На мгновение показалось, что худшее позади.

Но, прежде чем облегчение разлилось по телу – железная хватка сомкнулась на запястье. Холод перстня вонзился в кожу.

Я застыла.

Как?..

Мозг метался в панике, перебирая маршрут: я – вниз по лестнице, самый короткий путь. Он должен был идти следом... медленнее... Ах нет. Сквозной рукав. Проклятый служебный проход, о котором я забыла. Тот самый короткий ход из парадных залов прямо в подсобки. Он просто обошёл меня. Поджидал у цели.

Всё. Конец.

Начнутся вопросы.

А если он докопается...

Мне бы убежать из замка, раствориться в тумане, но договор скреплён кровью.

Я в ловушке.

Я зажмурилась, как перед ударом. Сейчас – допрос. Он не станет кричать. Он будет медленным и холодным. Я пробралась в его комнату. Ночью. А теперь попыталась сбежать.

Молодец, стрекоза... Теперь он точно тебя не забудет...

Сердце билось где-то в горле, клокоча ужасом.

И вдруг в кухню ворвался слуга.

Лицо – бледное, как полотно, грудь судорожно вздымалась под ливреей, глаза – широко распахнуты.

Он даже не заметил хозяина.

– Цветочница... – выплюнул он. – Наша. Цветочница. Исчезла. Без следа. Будто сквозь землю провалилась!

Глава 2

В следующее мгновение запыхавшийся вестник заметил хозяина – и застыл, как громом поражённый. За ним один за другим обернулись остальные: от Марты до самого младшего кухонного мальчишки. Все разом замерли, ощутив пронизывающее, ледяное присутствие Ванторна.

Сам слуга, наконец осознав, кто стоит перед ним, побледнел ещё сильнее – если это вообще было возможно. Казалось, он вот-вот рухнет на холодные каменные плиты.

А Рейнар Ванторн, как всегда, оставался безмятежен. Его голос, холодный и точный, как клинок, рассёк гробовое молчание:

– Займитесь своими обязанностями. Если цветочница загуляла – найдите ей замену. Немедленно. В моём замке не должно быть недостатка в свежих цветах. Никогда.

Кухня вспыхнула суетой. Повара метнулись к котлам, судомойки загремели посудой, слуги засеменили туда-сюда, лихорадочно стараясь выглядеть предельно занятыми. Они то и дело кланялись, бормоча:

– Так точно, ваша светлость...

– Немедленно, господин Ванторн...

– Будет исполнено, хозяин...

Страх повис в воздухе густым, удушающим туманом.

Я попыталась воспользоваться суматохой и улизнуть, надеясь раствориться в потоке слуганок, спешивших к выходу во внутренний двор. Прочь. Подальше от него.

Но железная хватка на запястье не позволила. Казалось, хозяин чувствует каждый мой пульсирующий от страха нерв, каждый дрожащий вздох. Он медленно обернулся. Его глаза нашли мои. Колени предательски дрогнули.

Смотри в пол, Эсмеральда. Просто смотри в пол.

– Кто ты такая? – пророкотал он.

Я заставила себя вдохнуть побольше воздуха, собрать в кулак всю волю. Голос дрогнул, но не сорвался:

– Никто, господин. Просто служанка.

Он даже не моргнул.

– Что ты натворила?

Сердце ухнуло в пропасть. Знает? Чует?

Опустила глаза, надеясь, что это не выглядит как страх быть разоблачённой.

– Ничего, господин. Ничего дурного.

– Тогда почему убегаешь? – Он сделал всего один шаг. Маленький, почти незаметный. Но теперь его тень целиком накрывала меня. От него исходило тепло, странно контрастирующее с ледяным, тяжёлым взглядом.

– Я... испугалась... – прошептала я. И в этих словах не было ни капли лжи.

– Чего?

Я слотнула комок, застрявший в горле. Голос стал тонким, как рваная паутинка:

– Вас...

Ванторн не шелохнулся. Только веки чуть опустились, прикрывая тёмную бездну глаз.

– Я такой страшный?

Вопрос прозвучал почти буднично. Но я знала: любой ответ мог оказаться неправильным. И тогда...

Боги, спасите меня...

– Д-да, – прошептала я, чувствуя, как стыд и ужас жгут лицо. Пусть думает, что я просто перепуганная служанка. Это – лучше, чем правда.

– Спрошу ещё раз. Кто ты? – Вернулся к началу. Специально изматывает.

Я повторила, как заклинание:

– Скромная служанка. Я просто убираю здесь...

Пальцы судорожно теребили край фартука.

– Давно? – Взгляд скользнул по моей одежде.

– Месяц, господин.

Месяц под чужим именем. Месяц относительной безопасности. Месяц жизни в пасти льва.

– Имя. – Приказ.

– Эс... Эсма.

Имя, выжженное в сердце страхом с того самого дня, как я сбежала с проклятого каторжного острова.

Пронзительный взгляд хозяина задержался на моём лице. В глазах промелькнула тень сомнения. Он медленно, с хищной грацией, поправил манжет тёмного, безупречно сшитого камзола. Шёлк мягко зашуршал.

– Я точно где-то тебя видел... – проговорил он задумчиво.

– Я... я просто одна из многих, господин, – залепетала я, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. – Обычная служанка... Похожая на многих. Вот вы и подумали... Простите... мне нужно вернуться к работе. Пол в восточной галерее ещё не вымыт...

Я сделала попытку отстраниться. Но его пальцы всё ещё обвивали моё запястье.

– Можно? – выдохнула я почти неслышно, вложив в этот вопрос всё отчаяние и мольбу.

Он смотрел на меня. Долго.

Взгляд словно прощупывал меня изнутри. Казалось, он вслушивается в биение моего сердца, считывает мысли.

Наконец, пальцы медленно разжались.

– Иди... пока, – произнёс он.

Я не стала медлить. Отпрянула, как ошпаренная, но не осмелилась повернуться к нему спиной. Взгляд прожигал ткань униформы, кожу, проникал глубже – к самой сути. Туда, где затаилась искра ведьмовской магии, той самой, которую я изо всех сил пыталась скрыть.

Я попятилась к кухне. Когда оказалась на безопасном расстоянии – повернулась и побежала. Остановилась, когда свернула за угол – в узкий проход между стеной и массивной печью. Лишь там, в тёплом, пропахшем хлебом и дымом закутке, позволила себе расслабиться. Прислонилась к горячей кирпичной кладке, закрыла глаза. Попыталась выровнять дыхание.

На этот раз – пронесло. Он отпустил. Но теперь будет наблюдать. Больше – ни малейшей ошибки! Я втягивала носом тёплый, успокаивающий запах печи, как лекарство. Просто служанка. Просто Эсма. Никто. Глупая пылинка в его огромном замке.

И в этот момент – когда первая волна животного ужаса отступила – в сознании искрой вспыхнула фраза. Та, что сорвалась с губ слуги до того, как он онемел, увидев Ванторна.

Цветочница исчезла.

Лисса? Неужели с ней что-то случилось?

Я резко разомкнула пальцы, сжимавшие кирпич. Оперлась на него, чтобы удержаться, и оттолкнулась. Нужно разыскать того слугу. Сейчас же! Вытащить из него всё, что знает.

Я бросилась туда, где всего несколько минут назад стоял перепуганный вестник, но он уже исчез.

Суэта понемногу улеглась, но напряжение всё ещё витало в воздухе – густое, тяжёлое, словно пар над кипящими котлами. Все тщательно делали вид, что не заметили моего недавнего столкновения с хозяином. Я поспешила к Марте – массивной кухарке с лицом, напоминавшим добродушный пирог, которое теперь было искажено тревогой.

– Марта! – выдохнула я, стараясь говорить спокойно. – Тот слуга... который кричал про цветочницу... Кто он? Где он?

Марта вздрогнула и с шумом бросила в котёл связку корней. Её обычно весёлые глазки теперь оказались полны страха.

– Ох, Эсма, не пугай ты так! Слуга? А, это ж Филипп! Конюх со стоянки пегасов. Совсем бедняга трясся от страха. Примчался, и орёт как ошпаренный: «Цветочница пропала! Нигде нет!»

– В замке ведь одна цветочница? Лисса?

– Она самая.

– Где сейчас этот Филипп? – спросила я, едва сдерживая нетерпение.

– А куда ему деваться? – фыркнула Марта, вытирая руки о фартук. – Обратно, наверное, побежал. На стоянку. Хозяин так на него посмотрел... Бррр... Боже упаси, какой это был взгляд... Филипп, кажись, под себя от страха наделал... Побелел пуще прежнего и шмыг – к своим пегасам.

Рядом вертелся юркий поварёнок Том – лет десяти, с вечно растрёпанными волосами и глазами, полными любопытства. Он с открытым ртом ловил каждое слово, пока вдруг не затараторил:

– Филипп сказал... сказал, что утром она не пришла. Комнаты стоят без цветов. Он пошёл к ней в сарайку у оранжереи – а там пусто. Спросил у садовников... Никто её со вчерашнего вечера не видел. Будто в воздухе растворилась! – Он понизил голос до шепота: – А потом он сюда ворвался и... ну, ты сама слышала.

Сердце сжала ледяная рука. Исчезла. Словно растворилась. Как я – с каторжного острова. Только я бежала сама.

А Лисса?..

Она ведь была здесь в безопасности. Работа, мать... казалось бы... К тому же чародейки и по сей день в большом почёте в королевстве. Зачем ей убегать?

Мне нужно было на стоянку пегасов – поговорить с Филиппом.

Она располагалась на дальнем краю замкового комплекса. Воздух там всегда был особенный – напоён резким запахом топлива, машинного масла и... чего-то ещё, едва уловимого, почти электрического. Что-то, исходящее от самих пегасов.

Я вбежала в огромное, высокое помещение с отсеками для циклопов. Помню, как увидела их впервые: два мощных колеса, обтекаемый остов, сверкающий полированным металлом, вытянутые рукояти и изогнутые контуры, словно созданные для скорости и грохота ветра.

У дальней стены возле стеллажа с запчастями, возился сутулый мужчина в промасленном комбинезоне. Он яростно тер щёткой руль одного из грузовых пегасов. Это был Карст – вечный мойщик. Ворчливый, но безобидный.

– Карст! – позвала я. – Где Филипп?

Он обернулся, сверкнув глазами из-под густых, насупленных бровей.

– Филипп? – буркнул, не прекращая тереть. – А тебе зачем? Удрал он, сердешный. Хозяин так его напугал – тот чуть коньки не отбросил. Сказал, плохо ему, и смылся. Домой, поди. Отлеживаться.

Горло сжало отчаянием.

– Он что-нибудь говорил о Лиссе? Про цветочницу?

Карст, наконец, остановился, поставил щётку, выпрямился с кряхтением и вздохнул.

– Говорил... Утром не пришла. В сарайке пусто, а вещи на месте. – Это я уже слышала. – Садовник Ганс видел её вчера под вечер у оранжереи – нарциссы срезала. Для утреннего букета в спальню хозяина. А после – ни слуху ни духу. – Он покачал головой. – Странно всё это. Девчонка она была не шустрая, но старательная. Не из тех, кто работу прогуливает. Да и куда ей, в самом-то деле?

Это правда. Лисса не была из тех, кто ищет неприятности. Да и врагов у неё, насколько я знала, не было.

– А... в городе её искали? – прошептала я. – У неё же мать, лавка на базаре...

Карст пожал плечами.

– Филипп говорил, подмастерье послал туда. Мать в панике. Говорит, домой не приходила. Будто сквозь землю провалилась.

Теперь меня действительно проняла тревога. Руки похолодели. Я должна была увидеть всё сама. Поговорить с её матерью.

– Спасибо, Карст, – пробормотала я, уже поворачиваясь к выходу.

– Эй, Эсма, дочка! – окликнул он. – Ты чего такая бледная? Как привидение. Смотри, не попадайся хозяину в таком виде – ещё беды навлечёшь...

Я не ответила. Уже неслась через двор, сердце глухо стучало в ушах. Нужно всё узнать. Подробно, точно. Но просто так уйти из замка? После недавнего столкновения с хозяином?..

Я отыскала госпожу Хельгу – домоправительницу, сухую, как щепка, женщину с вечно поджатыми губами. Она методично обходила первый этаж, бренча связкой ключей на поясе и сверяя чистоту каждой поверхности, кидая колючие взгляды на служанок, как ястреб, выискивающий добычу. Подойти к ней – всё равно что сунуть руку в осиное гнездо. Но у меня не было выбора.

Я глубоко вдохнула, собрав в кулак всю показную покорность, и робко шагнула ближе.

– Госпожа Хельга? – голос дрожал, и, к счастью, дрожь можно было списать на испуг перед хозяином. – П-простите за беспокойство... Цветочница... Лисса... Она моя близкая подруга. Мы иногда... чай пили. В свободное время, конечно! Можно... можно я схожу к ней домой? Узнать, что случилось... А то... цветов для обеденного стола нет.

Хельга остановилась, медленно повернулась ко мне, вперив свои птичьи, пронзительные глаза в моё лицо. Казалось, она видит меня насквозь до самых костей.

– Ты ведь Эсма? – произнесла она холодно. – Сегодня ты и так привлекла к себе достаточно внимания. Восточная галерея не вымыта. В винном погребе – пыль в два пальца. У тебя есть обязанности.

– Я знаю, госпожа Хельга, – залепетала я, опуская взгляд. – Я всё сделаю! Быстро сбегаю, узнаю – и вернусь. Всё вымою, клянусь! Просто... я очень волнуюсь...

Хельга помедлила. Взвешивала. Видимо, мысль о том, что Ванторн останется без цветов, перевесила её раздражение.

– Два часа, – отрезала она. – Ровно. Задержишься – будешь мыть весь замок. Включая псарни. Без ужина. Ясно?

– Да, госпожа Хельга! Спасибо! – Я чуть не улыбнулась от облегчения. Два часа – это вечность. И это ничтожно мало.

– И помни: в городе недавно была эпидемия. – добавила она. – Очаги ещё возможны. Не принеси заразу в замок.

– Конечно, госпожа Хельга! Буду осторожна.

Какая ещё эпидемия? Всё закончилось вместе с зимой. С тех пор, как я пришла в замок, в городе не было ни одного заболевшего. Сказки, чтобы пугать служанок.

Не теряя ни секунды, я влетела на чердак в свою крохотную коморку, сдёрнула фартук, натянула потёртое пальто – единственную верхнюю одежду, оставшуюся у меня после побега – и вылетела во двор. Весенний ветер ударил в лицо терпким ароматом свежей земли и ранних трав. В голове билось одно: Лисса. Лисса. Лисса.

Я проскользнула мимо удивлённых стражников у ворот, выскочила на мощёную дорогу, ведущую вниз, к городу у подножия замковой скалы. Пальто хлопало по ногам, ветер свистел в ушах. Я бежала, не чувствуя усталости, гонимая ледяным страхом за подругу и жгучим осознанием: каждая минута – на вес золота.

Спина горела, словно под прицелом. Казалось, Рейнар Ванторн и теперь следил за мной из окна своего кабинета. Выдумала от страха? Нет! Такие вещи ведьма моего уровня чувствует безошибочно.

Глава 3

Спустившись с холма, я будто попала в другой мир. Город был совсем не таким, как замок, пропитанный вековой пылью, страхом и гнётом власти, а живым, шумным, пахнущим дымом, свежей выпечкой и топливом. Разница поражала.

Замок, даже после каторги, казался застывшим в прошлом – если не в позапрошлом веке: камзолы, бриджи, платья до пят у дам... Попробуй я, простая служанка, показаться хоть в чём-то отдалённо похожем на брюки – госпожа Хельга сослала бы меня мыть псарню до конца дней.

А здесь, в Эсфире, кипела настоящая жизнь. Воздух дрожал от звуков, запахов, движения. И – словно лёгкий фон – шипучий, искристый аромат магии.

Горожане спешили: женщины в пальто с меховыми воротниками, мужчины – в плащах, кожаных куртках, с ремнями через плечо, увешанными инструментами. Настоящий город мастеров! По мощёным улицам грохотали повозки, легковые и грузовые пегасы, юрко сновали курьерские циклопы.

Если бы только я могла здесь жить! Но ведьмам не место в Эсфире. Поиск Лиссы – единственное, что оправдывало рискованную вылазку.

Я быстро пробиралась к центру, стараясь не привлекать внимания. Воздух становился всё гуще – насыщенный запахами карамели, гари и свежей выпечки, вперемешку с весенней пылью после недавно сошедшего снега. Между уютных цветных домиков мелькнул пустующий каток – большой, с яркими бортами и медными, крепко запертыми воротами. Лёд уже растаял, и теперь сезон начнётся только следующей зимой.

Я проскользнула мимо целой улочки, утопающей в сладком аромате: тёплый ванильный, липкий клубничный, терпкий шоколадный – от кондитерских тянулись призывные шлейфы из духовых шкафов. Сквозь стеклянные витрины мелькали полки с пирожными, вязки с кренделями, кофейные аппараты, глиняная посуда. Дальше – кафе, тесно прижатые к ряду мастерских: кузни, ателье, стеклодувы, гончары, ледорезы – кого только не увидишь в этих местах. Воздух искрил от стуков, шипения и металлического звона.

Я свернула за угол – и тут же оказалась у рынка.

Площадь бурлила, словно котёл. Здесь продавали всё: пряности, свежие овощи, фрукты, масла, ткани, мясо. Чего только не было! Люди галдели, спорили, смеялись. Кто-то бренчал на лютне, другой гнал любопытных детей прочь от прилавка. В воздухе разливался свет – рассветный, мягкий. Я затаила дыхание.

Вот оно – сердце города мастеров!

Но сегодня в воздухе витало что-то иное. Тонкий налёт беспокойства, настороженности. Я растворилась в толпе, стараясь не выделяться, но слух вылавливал обрывки чужих разговоров:

- ...и пропала, слышала? Совсем юная...
- ...цветочница у Ванторна, да? Мать с ума сходит...
- ...говорят, вечером ещё была...
- ...в последний раз у цветочного лотка...
- ...ни следа, ни записки. Будто в туман ушла...
- ...странно всё это. После той эпидемии... хоть и твердят, что миновала...
- ...может, сбежала? От такого-то хозяина...
- ...куда ей бежать? Мать тут, лавка...

Слова сливались в мутный поток. Страх за Лиссу – острый, живой – перемешивался с вечным, глухим ужасом быть узнанной. Я прижала ладонь к груди – сердце отчаянно грохотало. Мысли путались.

Ряды лотков и палаток растекались во все стороны. Я направлялась к знакомому закутку, где располагалась палатка Лиссы. Шум постепенно стихал. Здесь торговцы перешёптывались вполголоса, искоса поглядывая друг на друга, будто боялись, что слова могут обернуться бедой. Воздух становился плотнее, всё больше наполнялся тревогой.

И вот я увидела его.

Небольшой прилавок под выцветшим синим пологом, перекошенным от ветра, словно согнувшимся в тоске. На нём – лишь пустые плетёные корзины, аккуратно сложенные, но будто забытые. Рядом – несколько ваз, в которых увядали последние цветы – Лисса, наверное, приготовила их ещё вчера. Вода в вазах уже помутнела, как затянутое небо перед грозой. Бутоны поникли, лепестки частично осыпались – на прилавок, на землю. Казалось, цветы отчаянно пытались удержать хозяйку... но не смогли.

Возле одной из ваз валялись садовые ножницы, наполовину скрытые под упавшими лепестками – последнее прикосновение рук, которых здесь больше нет.

У прилавка сидела женщина. Мать Лиссы. Я видела её всего пару раз, мельком – тогда она улыбалась, руки ловко собирали букеты, переплетая стебли и ленты, помогая дочери. Теперь её трудно было узнать. Лицо опухло от слёз, глаза покраснели, стали пустыми, как выжженное поле. Она не плакала – просто сидела, обхватив голову руками, уставившись в одну точку, не моргая.

Рядом суетилась соседка-торговка, протягивая кружку с чем-то горячим, но мать Лиссы только еле заметно качала головой. Безучастно. Как будто ни голос, ни тепло, ни забота больше не доходили до неё.

Мне стало не по себе. Я сделала шаг вперёд, собираясь подойти, сказать хоть что-то...

Но что? Что можно сказать матери, потерявшей дочь за один миг?

Моё движение заметили. Соседка подняла взгляд, и в её глазах мелькнула настороженность. Она вглядывалась в моё лицо, спрятанное под капюшоном.

– Ты кто? – резко спросила она, чуть повернувшись боком, словно прикрывая собой женщину. – Что тебе нужно?

Я замерла.

– Я... знаю Лиссу, – прошептала я, с трудом подбирая слова. – Мы... вместе работаем в замке. Я пришла... узнать...

Её взгляд на мгновение смягчился.

– Не до тебя сейчас. Оставь её в покое, – кивнула она на мать Лиссы.

– Я только... осмотрюсь...

Но соседка уже отвернулась, снова сосредоточив всё внимание на неподвижной фигуре рядом.

Я отступила на шаг, чувствуя, как жар стыда и бессилия расплзается по щекам горячей волной. Взгляд упал на прилавок.

Среди увядших цветов и пустых корзин... что-то привлекло внимание. У самого края, там, где полог палатки чуть поднимался от ленивого ветерка, валялись несколько смятых, потемневших лепестков. Их как будто растоптали. Расположение смутно напоминало отпечаток подошвы, расплывчатый, но отчётливый в своей неестественности.

Чуть дальше, зацепившись за ржавый гвоздь, торчал грязный клочок ткани – льняной, вытертый. Такой же, как у передников служанок в замке.

Под шатким прилавком ветер гонял пыль – чёрную, сухую, похожую на пепел. Она оседала на корзины, на забытый нож, медленно покрывала всё саваном. Запах увядающих цветов смешивался с другим – тонким, пронзительным. Металлическим. Ржавчина? Или... кровь?

Меня охватила дрожь.

Несмотря на рыночный гул, здесь царила отрешённая, гнетущая тишина, словно звук обходил это место стороной. Она давила на виски, стягивала грудь. Инстинкт кричал: «Беги!»

Но ноги не слушались. Они будто приросли к мостовой – тяжёлые, холодные, неподъёмные. Воздух резал лёгкие, казался ледяным и слишком плотным. На языке – привкус сырости, пыли и прогорклого масла – из соседней палатки, где недавно жарили пирожки, но теперь никого не было видно.

Краем глаза я заметила движение.

В глубине тени, за рядом пустых, накрытых брезентом лотков, едва ощутимо что-то шевельнулось.

Я замерла, впиваясь взглядом в то место, где мелькнуло движение. Ничего. Только ветер шевелил края брезента, наброшенного на соседний пустой прилавок. Сердце колотилось, как пойманная птица. «Это просто нервы, стрекоза», – пыталась я убедить себя, город шумный, люди ходят... Но ком в горле не рассасывался.

Шорох справа – я вздрогнула, резко обернувшись. Снова ничего, кроме пары голубей, копошащихся в пыли. Слева – тишина. А потом... словно чёрная кошка, метнулась тень из угла за палаткой кондитера и растворилась в лабиринте рыночных рядов. Быстро. Бесшумно. Я кожей почувствовала – здесь кто-то есть. Или только что был. Наблюдал. За мной? За матерью Лиссы? «Беги», – шептал инстинкт, приобретённый на каторжном острове. Но ноги словно приросли к грязной брусчатке.

Я заставила себя сделать шаг назад, к синей палатке. Ещё раз окинула взглядом маленькое царство увядания и горя. Пустые корзины. Умирующие цветы.

И вдруг – движение. Мать Лиссы подняла голову. Её опухшие, пустые глаза медленно сфокусировались на мне. Два высохших колодца. Она поднялась и, шатаясь, отстранила руку соседки. Подошла ко мне так близко, что я почувствовала запах перечной мяты от её пальто.

– Ты... – голос её был хриплым, разбитым, будто она неделю не пила воды. – Ты ведь... подруга Лиссы? Так?

Я кивнула, глотая ком в горле.

– Да. Я... Эсма. Мы работали вместе. Лисса... она помогла мне устроиться в замок.

В её глазах что-то дрогнуло. Надежда? Отчаяние? Она внезапно схватила меня за руки – так цепко, что лёд её рук проник под кожу.

– Эсма... – прошептала она, и сорвалась на рыдание. Притянула меня к себе и обняла. Её тело дрожало мелкой дрожью. – Они не будут её искать! – выдохнула она мне в плечо. – Городские сыщики... им плевать! Какая-то бедная чародейка-цветочница... никому не нужна! Говорят, с любовником сбежала... Но ты же знаешь, какая она. Должна знать!

– Знаю, конечно, знаю!

– Нет у неё никакого любовника! – отчаянно крикнула она. – Моя дочь... она жива, я чувствую! Она... С ней что-то случилось... и ей страшно! Я не знаю... не знаю, что делать! Эсма...

Её слова бились о барабанные перепонки, смешиваясь с моим собственным учащённым сердцебиением. Я осторожно высвободилась из объятий, держа её за плечи, пытаюсь поймать взгляд.

– Расскажите мне, – попросила я, стараясь говорить чётко, спокойно, хотя внутри всё клокотало. – Всё, что помните. Когда вы видели её в последний раз? Что она говорила? Что-то необычное?

Женщина всхлипнула, вытерла лицо грязной ладонью. Дыхание было прерывистым.

– Не мучай ты её... – начала соседка.

– Не надо, я хочу поговорить. – остановила её мать Лиссы. – Ничего... ничего особенного. После полудня моя доченька вернулась с рынка... усталая, но довольная. Продала почти всё. И... – она запнулась, будто вспомнив что-то. – И показала... вот это. – Она судорожно порылась в кармане пальто и вытащила маленький предмет. Тусклый кулон на тонкой цепочке.

Камень в нём был тёмным, почти чёрным, с едва заметными прожилками глубокого красного. Он казался безжизненным, но от него веяло странной, тяжёлой холодностью. – Ей заплатили этим за последний букет. Незнакомец какой-то... богато одетый, сказала. Не местный. Она не хотела брать, он настаивал... Говорил, это дорогой камень. Лисса хотела завтра узнать, сколько он стоит... может, продать. Долги-то надо отдавать...

Я взяла кулон. Камень был гладким, холодным. По руке пробежали мурашки.

– И что потом?

– Потом... – мать Лиссы заломила руки. – Потом она сказала, что сбегает в замок. Узнать у госпожи Хельги, сколько цветов потребуется утром для украшения дома. И... и хотела ещё раз заглянуть сюда, на рынок, перед тем как домой. Проверить, всё ли убрала, подготовить корзины к утру. Вот... вот и весь план. – Её голос снова задрожал. – Но домой... домой она не пришла, Эсма! Никто её больше не видел! А эти... эти сыщики! – В её глазах вспыхнула ярость, смешанная с бессилием. – Сбежала с любовником! Но это невозможно! Она... такая хорошая девочка! Трудяга! Меня любит! О лавке заботится! Она бы никогда! Никогда так не поступила!

Её крик, полный боли и несправедливости, пронзил затихший рыночный переулок. Соседки перешёптывались, бросая на нас косые взгляды.

– Конечно, никогда! Не могла она так поступить! – уговаривала я тётю... А какое у неё имя? Как так вышло, что я дружила с Лиссой больше месяца и не знала имени её матери? Я сжала кулон в кулаке. Холод камня жёг ладонь.

– Я... я попробую узнать что-нибудь, – сказала я тихо, но твёрдо, глядя ей прямо в глаза. – В замке. Может, кто-то видел её вчера вечером. Простите, а как вас зовут?

Надежда, слабая и дрожащая, мелькнула в её взгляде. Она снова схватила мою руку.

– Я Клара. Узнай, Эсма! Пожалуйста, не бросай меня!

Я кивнула, сунула кулон в карман пальто. Время стремительно текло сквозь пальцы. Два часа Хельги истекли. Мысль о замке, о Ванторне, о его тяжёлом, всевидящем взгляде, угнетала. Но оставить Лиссу? Пустить всё на самотёк? Нет. Не после этого разговора.

Я бросилась обратно в гору, к замку, как загнанный зверь. Ноги горели, лёгкие рвало на части.

И всё-таки я опоздала. Сильно. Метнулась к чёрному ходу на кухню, надеясь проскользнуть незамеченной. Тщетно.

– Эсма. – Голос госпожи Хельги разрезал суматоху.

Она стояла в дверях. Птичьи глаза прищурены. Связка ключей на поясе на миг показалась оружием. – Два часа. Ровно. – Она медленно подошла. – Где ты шлялась?

Я опустила взгляд, пытаюсь сглотнуть.

– Я... я задержалась, госпожа Хельга. Мать Лиссы... она в таком состоянии... Я не могла просто уйти...

– Состояние матери цветочницы, – отрезала Хельга, – не отменяет твоих обязанностей, служанка. Ты нарушила приказ. И теперь... – её взгляд скользнул по моему растрёпанному виду, по грязному подолу пальто, – ты явилась в таком виде в замок господина Ванторна. Это верх неуважения.

Марта замерла у котла, её добродушное лицо исказилось беспокойством. Том притих в углу, широко раскрыв глаза. Даже вечный ворчун Карст замер на месте.

– Простите, госпожа Хельга, – прошептала я, чувствуя, как жар стыда заливает лицо. – Я... я сейчас приведу себя в порядок и всё сделаю...

– «Сейчас» уже поздно, – холодно констатировала Хельга. Её тонкие губы сложились в жёсткую складку. – Ты примешь наказание. Аделина заболела. Сегодня ты обслуживаешь обед в Красной столовой.

Внутри похолодело. Обслуживать обед? Где сам Ванторн и его гости? Это – работа для опытных, проверенных слуг, а не для вчерашних беглянок с каторги. Да ещё и в красной столовой, где моя ведьмовская сущность начинает изнывать. Тело снова будет ломить... Ненавижу красный! Что за пытка! Уж лучше бы отправили отмывать псарню.

– Но госпожа Хельга... – попыталась я запротестовать, голос дрожал. – Я... я не обучена... Я не знаю правил...

– Правила просты: молчи, смотри под ноги, не дыши громко и не попадайся на глаза господину, – отчеканила Хельга. – И попробуй только не справиться! Высекут.

– Ясно, госпожа Хельга, – выдавила я, опуская голову, чтобы скрыть вспышку ярости и страха в глазах.

– Выдайте ей чистый фартук. – Хельга развернулась и ушла, оставив за собой шлейф ледяного неодобрения.

Ровно через час, с тяжёлым подносом в руках, я обречённо шагала в сторону красной столовой.

Глава 4

Поднос с тяжёлым фарфором болью врезался в предплечья, а стены Красной столовой впивались в глаза тысячью крошечных игл. Я старалась дышать неглубоко, вцепившись взглядом в тёмный дубовый паркет под ногами – только он хоть как-то приглушал слепящую ярость алого бархата. Сопротивляться ощущениям было всё равно что пытаться остановить прилив голыми руками. Кто только додумался до этого безумия?

Гул в голове начался почти сразу – низкий, назойливый, будто у самого уха скрежетал гигантский механизм. Он разрастался, заполнял череп изнутри, вытесняя все мысли, кроме одной: «Ненавижу красный! Ненавижу!»

Воспоминания нахлынули – холодные, вязкие, как грязь в той сырой каморке на острове. Три дня.

Три бесконечных дня в ледяной клетке, выкрашенной в этот проклятый цвет. Тухлая вода, стук собственных зубов от холода – и этот всепроникающий красный, от которого хотелось выть. Он сводил с ума, отнимал силы, вызывал галлюцинации и выпивал волю до капли.

И сейчас происходило то же самое.

Испарина выступила на лбу и верхней губе, несмотря на прохладу зала. Ноги словно лишились костей – мягкие, ватные. Казалось, тело вдруг стало чужим. Вторая служанка двигалась бесшумно, с отточенной грацией, лёгкая, как тень. Тарелки, бокалы – всё ложилось на скатерть под её руками беззвучно и аккуратно. Я же чувствовала себя неуклюжим слоном в лавке стеклянных дел мастера. Каждый шаг – угроза катастрофы.

Хозяин сидел во главе стола, спиной к камину, где пылали живые, оранжевые языки пламени. С тех пор как мы вошли, он ни разу на нас не взглянул, погружённый в негромкий разговор с женщиной по правую руку: высоким, темноволосым, с умными, чуть отрешёнными глазами.

– ...и усилить патрули на выездах из города, – донёсся холодный, отточенный голос Ванторна. Он резал воздух чище любого ножа. – Ни одна ведьма не проскользнёт. Письмо королю уже готово. Нужны полномочия. Люди. Времени остаётся... – он сделал короткую паузу, точно взвешивая каждое следующее слово, – ...не так много.

Сердце упало куда-то в старые, потёртые туфельки.

Поиски ведьм. Усилить. Не так много времени... До чего?

Холодный страх обрушился на и без того напряжённую голову, на миг заглушив даже гул красного вокруг. Я едва не выронила супницу, которую как раз ставила на стол. Вторая служанка метнула в мою сторону быстрый, укоряющий взгляд. Я сжала зубы, заставляя руки не дрожать.

Не сейчас. Держись, стрекоза!

Получалось плохо.

– Конечно, Рейнар, – гость откинулся на спинку стула. – Я постараюсь поспособствовать, чтобы ответ пришёл как можно скорее. Хотя, если быть откровенным, не думаю, что королевский совет откажет тебе хоть в чём-то. Особенно в таком... деликатном, но важном вопросе.

Он сделал неторопливый глоток вина.

– А как насчёт того артефакта? – продолжил гость. – Уверен, что сможешь его добыть?

Ванторн чуть склонил голову, взгляд его оставался спокойным.

– Без всяких сомнений, Эйдан. Вопрос времени.

– Как только он окажется у тебя – приноси. Сделаю для него ледяную оболочку. Это должно усилить свойства.

Я слышала, что лёд местных мастеров не тает даже в адском пламени. Неужели это правда? Неужели передо мной – сам творец этого волшебства?

Ледяная мастерская Эсфиры...

«Как же там, наверное, прохладно и тихо. Какой там, должно быть, свежий, чистый воздух – со вкусом снега и инея, а не пыльный, вязкий, тяжёлый от страха и рыночной гнили. Вот бы туда. Маленькая экскурсия в ледяную тишину...» – подумала я с горькой иронией, расставляя хрустальные фужеры. – «Вот чего мне сейчас не хватает».

Но это было бы чистое безумие.

Самоубийство.

Никуда я, конечно, не пойду.

Достаточно и того, что придётся бродить по городу, выискивая хоть какие-то зацепки в деле исчезновения Лиссы.

Стоило только немного прийти в себя после слов о грядущей охоте на ведьм, как приступ вернулся – мощной волной. Всё тот же красный, обжигающий цвет. Он сгущался вокруг, затягивал, будто пелена из жара и крови.

Мне нужно было дойти до самого конца стола – поставить салатник перед хозяином. Казалось бы, несколько шагов. Но с каждым из них расстояние будто растягивалось, а красный цвет сжимался кольцом вокруг горла. Он пульсировал, давил, наполнял липкой тревогой.

Гул в ушах усиливался. По вискам катились капли пота. Я уже не видела ни зала, ни лиц – только край стола, тень от его руки, тёмную ткань камзола.

Ещё два шага.

И тут это случилось.

Острая боль пронзила икру, как будто в мышцу вогнали раскалённую иглу. Мир покачнулся. Поднос задрожал в руках. Я попыталась перенести вес на другую ногу, удержаться, но тело не слушалось.

Одна рука сама собой вылетела вперёд – ухватиться, смягчить удар, зацепиться хоть за что-нибудь.

И я коснулась его... Снова...

Кончики пальцев врезались в плотную мышцу плеча, скрытую под тонкой тканью. Под рукой – твёрдая сила. Его тело мгновенно напряглось, будто внутри сработала пружина.

Доля секунды длилась вечность.

Я судорожно отдернула руку, умудрившись чудом не выронить поднос, но салатник и две тарелки с грохотом обрушились на стол. Фарфор зазвенел, вилки подпрыгнули. Оливки покатались по скатерти, оставляя жирные следы. Гул красного цвета мгновенно стих.

Я замерла, не смея дышать, чувствуя, как лицо пылает от стыда и ужаса.

И тогда он поднял глаза.

Медленно, невероятно медленно.

Тяжёлый, всепроникающий взгляд скользнул по осколкам фарфора, задержался на моих дрожащих руках, на фартуке, и, наконец, достиг лица. В глазах его не было ни гнева, ни раздражения.

Только лёд. Глубокий, вечный холод, такой, что позавидовали бы даже ледяные мастерские Эсфиры. Но в самой сердцевине льда – аналитический огонь, слой за слоем, сдирающий с меня маску.

Казалось, он смотрел не на служанку Эсму, уронившую тарелки, а ведьму Эсмеральду, скрывающуюся от всего мира.

Знаменитый Рейнар Ванторн.

Охотник. Хищник. Разрушитель жизней, вроде моей.

А я стою перед ним. Дрожу. С магией, вывернутой наизнанку, обезоруженной проклятым красным цветом.

– Ты... – сказал он. – Откуда ты взялась?

Сердце замерло – на миг, на удар – а потом рвануло с такой силой, что казалось, вырвется из груди и запрыгает по осколкам фарфора. Его взгляд... Этот ледяной, пронизывающий до самых костей взгляд, скользил по мне, как лезвие ножа по горлу. От такого у любого исчезнет даже тень уверенности.

Я попыталась что-то сказать, открыла рот, но вместо слов вырвался лишь хриплый, беспомощный шёпот:

– Господин... я... я оступилась... Ногу... свело... – Поднос в моих руках дрожал. На нём остались только две уцелевшие тарелки. – Простите... я сейчас... уберу... сейчас же...

Ванторн не моргнул.

Темноволосый гость чуть наклонил голову. Его глаза – умные, внимательные – с интересом скользнули от фарфорового разгрома к моему лицу, а затем остановились на Ванторне.

– Рейнар, – произнёс он спокойно, – она не чародейка, случайно?

Я вздрогнула. И зачем им обсуждать моё происхождение? Своих проблем мало? Нет, не чародейка. Хуже. Намного хуже.

– Нет! – вырвалось у меня слишком резко. Я тут же опустила глаза и сжала поднос до боли в пальцах.

– Простите, господин, – прошептала я. – Я... я просто служанка. Новенькая. Неуклюжая. И... – Я рискнула взглянуть на алый бархат стен, и тошнота снова подкатила к горлу. – Мне просто нехорошо. Не знаю почему. Голова кружится... вот и упала.

Я успела заметить разительное различие в одежде хозяина и его гостя. Господин Эйдан был одет в рубашку цвета прозрачного льда и тёмные кожаные штаны. Современно, удобно, даже изысканно по-своему. Рейнар Ванторн же не расставался со старинными камзолами, словно вынырнул из какого-то портрета вековой давности.

Почему он так одевается? И почему заставляет остальных подчиняться этому странному обычаю, как будто всё вокруг – не реальность, а театральная постановка?

Ванторн молчал. Его взгляд по-прежнему был прикован ко мне – спокойный, пристальный, тяжёлый, будто он ждал, что я сама расскажу то, о чём ещё и не подумала.

Гость откинулся в кресле, вздохнул и отодвинул бокал.

– В последнее время пропали несколько девушек, – сказал он, обращаясь к хозяину. – Все обладали магическими способностями, хоть и незначительными.

Он бросил на Ванторна многозначительный взгляд. – Анна теперь опекает кафе «Золотой Феникс». Там собираются местные чародеи, травники, мастера лёгких заклятий – ну, весь этот разношёрстный, забавный народ. Болтают, спорят, варят свои настои. Так вот, на последней встрече всплыли тревожные слухи. За последние две луны в Эсфире исчезли три девушки: помощница аптекаря, та, что шила обереги, и цветочница. Все они – чародейки.

Я замерла, делая вид, что собираю с оливки, хотя пальцы дрожали, и хватать ими что-то было задачей не из лёгких. Уши напряглись до предела, выхватывая каждое слово.

Лисса?.. Значит, она не первая. Совпадение? Не знаю. Совсем не выхожу из замка, ни с кем не разговариваю, вот и не знаю ничего.

– Слишком мало случаев, чтобы говорить о чём-то серьёзном, – холодно отрезал Ванторн. Его взгляд, наконец, отлип от меня и обратился к другу. Правда, ненадолго. – Посмотрим, что будет дальше, Эйдан. А пока это просто городской шум.

Городской шум.

Вот как он это называет. Исчезновения девушек. Боль их родителей. Просто фоновый гул, как жужжание насекомых летом. Сколько нужно сломанных судеб, чтобы он, охотник с легендой за плечами, соизволил обратить внимание на действительно важные вещи, а не только гоняться за ни в чём не повинными ведьмами? Пять? Десять? Или подождём, когда под ногами начнут хрустеть кости?

Гнев мгновенно обжёг щёки. Я вспомнила лицо Клары – бледное, высохшее. Её взгляд, и как она не могла выговорить ни слова, только качала головой и плакала. Это – боль. Реальная, плотная, ощутимая.

Но сказать это вслух? Нет. Это было бы самоубийством.

Я только ниже склонилась над скатертью, делая вид, будто вытираю жирное пятно от оливки. Красный снова накатил стеной. В ушах невыносимо зашумело. Физическая слабость от проклятого цвета, парализующий страх от взгляда Ванторна и ужасающая информация, которую они так спокойно обсуждали.

– ...но всё же, Рейнар, – продолжал настаивать Эйдан, – если между исчезновениями есть связь? Если кто-то целенаправленно охотится на чародеек? Анна считает, что это может быть важным звеном...

– Посмотрим, – перебил его Ванторн.

Он бросил взгляд в мою сторону. Раздражение и... любопытство? Казалось, он пытался сложить пазл, а я – кусочек, который не вписывается, но выбрасывать рано.

– Хватит тут шататься, – бросил он резко, – убери этот бардак и займись своими делами. Если не справишься – узнаешь, что такое наказание.

– С-сейчас, господин, – прошептала я, торопливо хватая салатник и собирая осколки. Один из черепков полоснул по пальцу. Капля крови упала на белоснежную скатерть.

Только не это!

Я лихорадочно прикрыла пятно салфеткой, словно это могло отменить произошедшее.

Я почти на ощупь побрела к серванту, с подносом, на котором дребезжали осколки. Спина горела. Его взгляд жёг, как солнечный ожог. Он продолжал наблюдать.

За каждым моим шагом, за трясущимися руками, за тем, как я избегаю смотреть на стены.

Встав у серванта, я сделала вид, что разбираю тарелки для следующей подачи.

Но на самом деле – слушала.

Именно в этот момент боковая дверь бесшумно открылась. Появился Мартен – старший слуга. Лицо, как всегда, непроницаемое, словно выточенное из воска. Он беззвучно скользнул к Ванторну, склонился и что-то прошептал ему на ухо. Одновременно положил на край стола, рядом с хрустальным бокалом господина, маленький, аккуратно свёрнутый листок бумаги.

Ванторн не сразу отреагировал.

Сначала – и почему-то именно это показалось мне самым страшным – он взглянул на меня.

Затем с мучительной неторопливостью, развернул записку.

Глаза скользнули по строчкам.

И произошло нечто почти невозможное.

Каменная маска дрогнула. Лишь на миг. Но я это заметила. Во взгляде вспыхнул отблеск удовлетворённого ожидания. Он тут же скомкал бумагу. Потом поднял голову.

На меня он больше не смотрел.

– Его привезли. Наконец-то, – тихо сказал он гостю.

Ванторн, казалось, окончательно вычеркнул меня из поля своего внимания. Весь его интерес теперь безраздельно принадлежал господину Эйдану и тому злополучному клочку бумаги, который он нервно сжимал в пальцах.

– Артефакт? – гость резко наклонился вперёд, позабыв о бокале в руке.

– Даже без чистки, прямиком сюда. – Хозяин уже полностью овладел собой, и его голос звучал бесстрастно, словно речь шла о поставке дров. – Окончательная модификация.

По рукам пробежали мурашки, несмотря на духоту в комнате. Я не имела ни малейшего понятия, о чём идёт речь: «артефакт», «чистка», «модификация» – всё звучало как шифр из

чужого, странного мира. Но инстинктивно я уловила угрозу. Как будто секунда перед грозой, когда тишина обретает звенящую остроту, а кожа чутко ловит электрический заряд, висящий в воздухе.

– Поздравляю, друг! – Господин Эйдан озарил комнату широкой улыбкой, сделав небрежный глоток вина. – Но я до сих пор не понял принципа его работы, – добавил он, опуская бокал с преувеличенной осторожностью. В его интонации явственно повис невысказанный вопрос: «И ты мне это сейчас объяснишь, так ведь?»

Ванторн слегка откинулся на спинку стула. Его взгляд скользнул по мне на долю секунды – я изо всех сил изображала погружение в безупречную расстановку приборов.

– Принцип прост, – его голос звучал холодно и чётко. – Сплав откликается на глубинный магический резонанс. Нужно просто приложить ко лбу. Если сущность присутствует – сплав темнеет. Интенсивность реакции прямо пропорциональна силе сущности. Никаких ложных срабатываний на чародеек или просто чувствительных. Только истинная ведьмовская кровь. Король уже скрепил указом внедрение артефакта для высшего сыска.

Внутри у меня всё оборвалось. Так вот что добыл хозяин... Истинная ведьмовская сущность... Холодный сплав на лбу – и я обречена. Меня выдаст не взгляд, не поведение – меня предаст сама плоть, кровь, проявленная в безжалостном металле. Этот артефакт сводил на нет месяцы маскировки, все мои усилия после побега с каторжного острова. Казалось, он был выкован, чтобы найти именно меня. А потом – назад, на проклятый остров, куда королевство ссылает всех обнаруженных ведьм. А учитывая моё преступление и дерзкий побег... Исход был предопределён.

– Удобно, – заметил Эйдан деловитым тоном. – Поиски той... особы... пойдут куда быстрее.

Ванторн не ответил сразу. Его взгляд, тяжёлый и непроницаемый, застыл где-то в пространстве над столом.

– Возможно. Артефакт устраняет элемент... субъективности. Следовательно, результаты будут чище, а поиски – быстрее. Среди десятков других, отыщется и она.

Хозяин ищет какую-то конкретную ведьму? Но кого? И зачем?

Увы, ответа не последовало.

– Когда приступишь? – поинтересовался гость.

– Скоро. – Хозяин отшвырнул скомканную записку. – Как только изготowiшь для него ледяную оболочку.

И тут Рейнар Ванторн взглянул прямо мне в глаза. Я не успела отвести взор. Удар был мгновенным и жгучим, как разряд молнии.

Бежать!

Мысль вспыхнула сама собой – чистый, неудержимый инстинкт выживания.

Бежать! Сию же секунду! Но как уничтожить мою подпись на договоре?

Дыхание перехватило. Мысли спутались. Лишь одна мысль гудела в такт бешено колотящемуся сердцу, заглушая всё: шёпот служанок, запах супа и телячьих медальонов в сливочном соусе, даже собственный страх – бежать.

А Лисса? Я же обещала её матери... Пронзило чувство вины. Схожу к ней, попрошу прощения, скажу, что я в опасности. Она поймёт, не захочет мне зла. Может, затаюсь в городе, продолжу поиски... Но здесь, в замке, оставаться – смерти подобно.

Бежать и как можно скорее!

Как только закончился обед, я словно ошпаренная рванула в свою тесную, пропахшую пылью веков коморку на чердаке. Затворила скрипучую дверь на крюк, привалилась спиной к грубым доскам, давая себе отдышаться. Потом подошла к единственному крошечному окошку,

втиснулась на жёсткую крышку сундука – моё единственное сиденье – и замерла, глядя вниз, на бело-розовое покрывало вишнёвых лепестков, устилавших двор.

Как раздобыть тот проклятый договор, запечатанный моей же кровью? Все бумаги замка хранились за дубовыми дверями кабинета хозяина. Я видела этот кабинет, когда мыла полы – он не просто большой, он – огромное царство. Внутри – целый отсек, заставленный почерневшими от времени шкафами до потолка, выделен под архив. Пробраться внутрь – дело простое: старая замочная уступит моей отмычке под названием шпилька. А вот потом...

В лабиринте бумаг, под тревожными взглядами портретов предков... Придётся целую вечность копать, чтобы найти именно тот лист с моим роковым отпечатком. Но я обязана, я должна это сделать! Бежать как есть? Тогда на мне повиснет ещё одно преступление, а найти беглянку по отпечатку крови для королевской ищейки – не великий труд, а детская забава. След, что ведёт прямо к моей шее.

Значит, сегодня ночью. Как только погаснет последний огонёк в окне хозяйской спальни. Решено.

Глава 5

Сердце колотилось так громко, что казалось – его стук эхом разносится по каменным стенам длинного, пустого коридора. Я прижалась спиной к холодной шероховатой стене, слившись с тенью ниши, и неотрывно следила за щелью под дубовой дверью хозяйской спальни. Полоска тёплого света казалась ослепительно яркой в крошечной тьме замка. Время тянулось бесконечно. В ушах гудела кровь, смешиваясь с далёким уханьем филина и неустанным шёпотом ветра в бойницах.

Наконец, золотистая полоска дрогнула и исчезла.

Пора.

Я выскользнула из укрытия. Обогнула галерею с высокими стрельчатыми окнами, сквозь которые лился призрачный лунный свет, вытягивая из колонн длинные тени. Портреты предков Ванторна в тяжёлых рамах смотрели сверху безжизненно и недоверчиво – казалось, вот оживут и позовут стражу. Лучше о них не думать.

Ещё немного – и я у цели.

Встретившись взглядом с переплетёнными змеями на дубовой двери, я невольно вздрогнула. Вытащила из волос тонкую закалённую шпильку – надёжный ключ к чужим тайнам. Руки дрожали, но пальцы помнили своё дело. Без этого навыка на острове не выжить. Вставить... нащупать... осторожно повернуть... Тихий, но чёткий щелчок прозвучал в тишине оглушающе. Я замерла, прислушиваясь. Тишина. Осторожно нажала плечом. Массивная дверь подавалась, открыв узкую щель, в которую я проскользнула.

В нос ударил запах: пыль веков, воск, старое дерево, кисловатый дух пергамента и чернил. Лунный свет, проникавший сквозь огромное витражное окно в противоположной стене, рисовал на полу причудливые, разноцветные узоры. Огромное помещение тонуло в полумраке. Посреди зала – гигантский стол, похожий на остров. Кресло с высокой спинкой – как трон. Стены скрывались за тёмными драпировками и рядами стеллажей.

Архив.

Именно туда я и направилась.

Высокие, почти до сводчатого потолка, стеллажи из тёмного дерева стояли, как мрачные стражи. Папки, свитки в кожаных футлярах, перевязанные лентами связки документов и, конечно, книги – заполняли полки до отказа. Тома всех форматов, в потёртых переплётах, некоторые – с потемневшими от времени металлическими застёжками.

Глаза скользили по корешкам. Магические, древние, современные названия мелькали в лунном свете: «Земельные реестры», «Переписка с Короной», «Договоры поставок эликсиров». Сердце сжималось от безнадёжности. Как найти одну-единственную бумагу в этом море?

Тут взгляд зацепился за толстенный фолиант на одной из верхних полок. Переплёт был почти чёрным, а на корешке чётко выделялись золотые буквы: «Указ по ведьмам. Исследования. Сводки».

Волна страха смешалась с непреодолимым любопытством. Рука сама потянулась вверх. Я встала на цыпочки и осторожно сняла тяжёлую книгу. Пыль облаком взвилась в лунный луч, и я едва сдержала чихание.

Я опустила на пол, прислонившись к холодной стене, и положила книгу на колени. Переплёт скрипнул при раскрытии. Страницы пожелтели, края обтрепались. Текст был убористым, но читаемым.

Сначала шли исследования: сухие, исполненные ненависти описания «зловредной природы ведьмовской магии» и её «разрушительного влияния на магический порядок». Упомянулись «доказанные случаи» порчи урожая, насылания болезней, подчинения воли. Затем – классификации, признаки для выявления: «особые отметины», «неестественная связь с живот-

ными», «боязнь заговорённых предметов». Чушь, в большинстве своём, но оттого не менее жуткая. Каждое слово ложилось на душу свинцовой печатью.

И вот он – сам Указ. Заголовок, витиеватый и торжественный:

«Его Королевским Величеством, по Совещанию с Лордами Магии и Светскими, объявляется:

Магия ведьмовская признана пагубной и губительной – для телесного и душевного здоровья подданных, для благоденствия Королевства и нерушимости магических устоев.

Отныне и вовеки воспрещается всякое её проявление на землях Аркадены – под страхом тяжкой кары.

Особо запрещается магия исцеляющая, как наиболее обольстительная и коварная, под видом блага несущая погибель.

Женщины, в коих выявлена суть ведьмовская, подлежат немедленной ссылке на каторжный остров – в пожизненные труды и покаяние.

Те же, кто дерзнёт пользоваться магией после сего дня, караются по всей строгости Закона.

А если ведьма уличена в целительстве – кара есть смерть. Без промедления. Без послабления».

Слёзы навернулись на глаза – горячие, горькие. Я – целительница. Высшего ранга. Потомственная. Мои руки чувствуют боль в чужом теле, как в собственном, умеют направлять потоки жизни... И за это – смерть. Без промедления.

Я родилась на том проклятом острове. Моя бабушка – великая целительница Пустошей, была сожжена на городской площади, когда мать ещё была ребёнком. Та выросла в неволе, родила меня там же... и успела, перед самой казнью (за попытку исцелить сокамерницу), передать мне свои знания, а меня саму отдала в руки старой, немощной ведьмы Лорис. У Лорис почти не осталось магии, лишь знание трав да шепотков, но она вырастила меня... и умерла, когда мне исполнилось шестнадцать. Я осталась одна. А потом – сбежала.

Я лихорадочно листала дальше – туда, где начиналась «доказательная база». Бесконечный список жертв и злодеяний:

«...Ведьма Илвана из Долин, наставшая мор на скот лорда Элрика...»

«...Моргана, спустившая туман безумия на город Портсвейл, три года неурожая и голод...»

«...Алисия, залечившая до смерти господина Вернона...»

Имена, имена, имена... И вдруг – удар в самое сердце. Знакомое с детства имя, выведенное чужой, ненавидящей рукой:

«...Аэлинд, рода Пустошей, именуемая Целительницей Ветров. Находясь при дворе Его Высочества Принца Каэлана, под видом исцеления наслала на него хворь, от коей он в муках скончался. Послужила первым камнем, побудившим к созданию Указа и учреждению Острова...»

– Нет! – чуть не закричала я. Неправда. Всё не так.

Мама рассказывала эту историю, как священную хронику рода. Хронику Пустошей, давно утраченную, передаваемую теперь только устно. Прапрабабушка Аэлинд – сильнейшая целительница своего времени. Она действительно лечила юного принца Каэлана от загадочной хвори. Они полюбили друг друга. Страстно полюбили. Но мачеха принца, королева Исельда, видела в нём угрозу власти своего сына. Она отравила Каэлана – медленно, исподтишка. А когда он умер в страшных муках, обвинила во всём Аэлинд.

И тогда началась охота.

А самое страшное... Прапрабабушка ждала ребёнка. От принца. Моя прабабушка родилась уже после ареста, а через пятнадцать лет в тюремных стенах умерла прапрабабушка.

Я сидела, обхватив голову руками. Слезы стекали по щекам, падали на страницы ненавистного Указа, оставляя пятна на чернилах лжи. Вес вековой несправедливости, страха и гонений давил на плечи. Я была последней выжившей из Пустошей. Последней, кто помнил правду. Кто нёс в себе эту проклятую и благословенную силу... и каплю королевской крови.

Поглощённая отчаянием и яростью, я не слышала. Не слышала бесшумного поворота ручки. Не слышала, как дверь открылась – тихо, на хорошо смазанных петлях.

Я слышала лишь резкий щелчок, когда она закрылась. А затем – гулкий БА-БАХ! когда я подскочила, и книга выскользнула из дрогнувших пальцев, с грохотом рухнула на каменный пол.

Кровь отхлынула от лица. Я инстинктивно вжалась в стеллаж, затаив дыхание. Глаза, широко раскрытые от страха, впились в дверь, возле которой стояла фигура. Высокая, прямая, закутанная в тёмный плащ с капюшоном. Кто это? Стражник? Но зачем плащ?

Незнакомец сделал шаг, скользя почти беззвучно. Лунный свет из высокого окна осветил его, когда он вышел из тени: сапоги из тонкой кожи, складки дорогого плаща... и, наконец, лицо.

Резкие, словно высеченные из камня, черты. Холодные, пронзительные глаза, будто видящие сквозь тьму. Ни единой эмоции. Только леденящее душу спокойствие – и абсолютная уверенность в собственной власти.

Рейнар Ванторн.

Сердце, только что сжимавшееся от горя и ярости, теперь застыло от страха. Хозяин. Сам. Здесь. Сейчас. В его собственном архиве, где я, как воровка, рылась в запретных документах.

Я зажмурилась на миг, молясь всем богам, которые иногда слушают ведьм: пусть он не заметит меня в этот раз, и больше я уж точно не стану нарушать правила. Обещаю!

Шаги. Медленные. Тихие. Ванторн почти бесшумно приближался прямо к моему укрытию. К этому самому ряду стеллажей. Не глядя по сторонам – с той пугающей, ледяной уверенностью человека, который знает каждую пылинку в своём доме.

Я сглотнула ком, застрявший в горле – показалось слишком громко. Пальцы онемели. Пять шагов. Четыре. Три. Я уже различала складки его плаща, ловила блеск лунного света на пряжке сапога. Ещё немного – и он завернёт за угол стеллажа.

Втянула голову в плечи, будто это могло спасти. Готовилась к удару магии, к боли – ко всему, что только он способен обрушить на незваного гостя.

Два шага.

Теперь он был так близко, что я уловила тонкий древесный аромат его плаща. Тень легла на пол передо мной – длинная, чёрная, как приговор.

И вдруг... он остановился.

Прямо перед поворотом. В метре от меня.

Я застыла, боясь дышать.

Он тоже замер.

Только плащ едва заметно колыхался – от его дыхания или от сквозняка.

Что он видит? Что слышит? Чувствует ли он, как моё сердце рвётся в груди испуганной птицей? А может, он уже знает. И просто ждёт. Наблюдает, как я захлёбываюсь в собственной агонии. Играет. Как кошка с мышкой.

Он поднял руку.

Медленно провёл пальцами по боковой грани стеллажа – именно той, по которой только что скользил мой взгляд.

Нет... Пожалуйста... Только не сейчас...

И вдруг – он отдернул руку и развернулся.

Тихо зашагал к массивному столу.

Послышался скрежет выдвижного ящика. Лунный свет скользнул по его руке, когда он опустил её в темноту. Что-то извлёк – небольшой, плоский предмет. Камень или осколок металла.

Ванторн мельком осмотрел находку, сунул её во внутренний карман плаща, закрыл ящик с тихим щелчком... И направился к двери.

Больше он не смотрел в сторону архива.

Когда за хозяином закрылась дверь, я, наконец, выдохнула. Долгий, дрожащий, прерывистый выдох, будто впервые за долгое время разрешила себе жить.

Тело обмякло, сползая вниз по стеллажу. Колени подкосились, и я едва удержалась на ногах, вцепившись в полку, словно в спасательный канат.

Боги... Что это было? Неужели – всё? Я спасена?..

Но гадать было некогда. Каждая секунда могла стать последней.

Документ. Найти. Уничтожить. Сейчас же!

Я оттолкнулась от стеллажа, заставляя дрожащие ноги слушаться. На полу валялся злополучный Указ – та самая книга, из-за которой я едва не погибла. Я подняла её, смахнула пыль и с усилием вернула на верхнюю полку.

Больше не отвлекайся, стрекоза, – мысленно отругала я себя.

Я окинула взглядом архив.

Ряды свитков в кожаных тубусах, перевязанных лентами с треснувшими от времени восковыми печатями. Тяжёлые кожаные папки с тиснёными гербами, с надписями на корешках, яркими в лунном свете: «Переписка с Советом Магов. Том LXII», «Инвентаризация магических артефактов. Южное крыло».

Небольшие ларцы из тёмного дерева и металла, украшенные замысловатыми замками – от них исходило едва уловимое магическое свечение. Опасные или ценные – или и то и другое.

Карты на подставках, чьи границы еле заметно дрожали и смещались – зачарованные. Кристаллы в оправках, тускло светящиеся изнутри – возможно, сенсоры или хранилища памяти.

Книги в переплётах из странной, словно дышащей кожи, с символами, от которых веяло древним холодом. И снова – бесконечные ряды папок, связок, реестров: «Отчёты о сборе налогов на магию», «Договоры аренды земель», «Закупка ингредиентов для алхимической лаборатории»...

Я металась вдоль стеллажей, пальцы дрожали от спешки и отчаяния. Где же?.. Где?!

И вот – один из рядов, ближе к столу. Папки – аккуратные, сравнительно новые, с чёткими, хоть и старомодными, этикетками.

«Договоры с поставщиками зёрна».

«Договоры с пекарнями города Эсфира».

«Договоры с мясными лавками».

И...

«Договоры с наёмным персоналом. Прислуга».

Да!

Благодарность сорвалась с губ, обращённая к любым благосклонным духам или просто к удаче. Я уже тянулась, пальцы почти коснулись папки... и наткнулась на невидимый барьер. Пальцы упёрлись во что-то плотное, упругое и холодное. Магическое поле. Я нажала сильнее – ничего. Стеллаж был запечатан. Нет...

Я метнулась к соседнему стеллажу – то же самое.

Попробовала ещё несколько, наугад – ничего. Отчаяние нарастало. Я вернулась к тому стеллажу, где стояла книга Указа. Рука потянулась к знакомому корешку... и снова упёрлась в холодное, непроницаемое поле. Сердце упало. Я отступила, глядя на невозмутимые ряды стеллажей, ставшие вдруг неприступной крепостью.

Он знал. Знал, что здесь кто-то был и активировал защиту. Весь архив – запечатан.

Воздух внезапно показался густым и спёртым. Давящие стены замка Ванторна сомкнулись вокруг меня окончательно. Я была поймана. Лучшим охотником на ведьм. Но знал ли он, кто именно попался в его сеть?

Глава 6

Холодная вода обжигала пальцы, но я была благодарна этому ощущению. Оно возвращало к реальности, к серому утру после бессонной ночи, полной страха и бесплодных поисков. Швабра с промокшей насквозь тряпкой тяжело скользила по каменным плитам длинного коридора второго этажа. Каждое движение, каждый скрип дерева о камень отзывался в висках глухой пульсацией. А в такт ударам – одно-единственное слово, тяжело и упрямо, стучало в голове: договор.

Я должна его найти. И уничтожить. Но как? Весь архив, каждый стеллаж, каждая папка – теперь запечатаны неизвестной мне магией, об которую я обожгла пальцы. Мысль о том, что Ванторн знает – кто-то был в его кабинете ночью, сжимала сердце в ледяной узел. Зачем он приходил туда? Ждал незваного гостя? Выслеживал? Или просто охранял свои тайны, как дракон – золото? Почему оделся не как обычно? Он собирался на охоту?..

Ох, эти бесконечные вопросы без ответов...

С каждым взмахом швабры я приближалась к массивным дубовым дверям кабинета. Глаза кованых змей сверкали. Даже сейчас, при дневном освещении, эти искусственные рептилии внушали тревогу. Я поспешно отвела взгляд.

Плиты у входа были особенно гладкими – отполированными веками и сотнями ног. Я наклонилась, с усилием выжимая тряпку в ведро. Мыльные брызги расплескались и попали на туфли. Где-то глубоко под каменной толщей замка гудел старинный механизм ледяных часов. Если бы мне не нужно было срочно покинуть замок, я обязательно пробралась бы в подвалы – взглянуть на легендарные часы, созданные в ледяной мастерской Эсфиры ко дню рождения хозяина. Говорят, это настоящее произведение искусства. Но сейчас казалось, они неумолимо отсчитывали время, которого у меня уже не оставалось.

Я взмахнула шваброй – и вскоре ещё один участок пола засверкал чистотой. Сквозь узкое бойничное окно в конце коридора пробился солнечный луч. В его свете миллионы пылинок закружились в затхлом воздухе, будто танцуя свой последний, пыльный вальс. Вот ещё, осядут на пол – и снова мне убирать! Как будто дел мало!

Я прополоскала тряпку.

И вдруг – голоса за дверью. Глухие, приглушённые толщей дерева, но различимые. Я замерла. Тряпка застыла в руках. Один – знакомый, низкий, холодный, как сталь на морозе. Ванторн. Второй – выше, напряжённый, чужой.

– ...я не могу закрыть на это глаза, Рейнар, – доносились обрывки фраз незнакомца. – Уже шестая за месяц – и все в Эсфире... Совет Магов бьёт тревогу, но следов по-прежнему нет. Корона официально просит твоего вмешательства.

Тишина.

Я живо представила себе хозяина, сидящего за громадным письменным столом. Каменное лицо, лишённое эмоций, и пронизывающий взгляд, от которого не скрыться ни одному жесту собеседника.

– Мои приоритеты – здесь, – наконец прозвучал голос хозяина: ровный, холодный, не терпящий возражений. – Охота требует полной концентрации. Сейчас особенно. Осталось не больше двух лет до... Король знает. А эти исчезновения лишь отвлекут ресурсы.

– Ресурсы? – в голосе незнакомца скользнула ирония, тут же сменившаяся напряжённо-стыю. – Рейнар, а если это дело рук тех, кого ты преследуешь? Если ведьмы снова подняли головы и теперь мстят обидчикам? Сегодня – чародейки. А завтра кто? А если это вовсе не ведьмы?.. Тем более ты должен подключиться. Король понимает твою загруженность и важность того, чем ты занят, и именно поэтому...

– Поэтому? – ледяная нотка в голосе Ванторна заставила меня невольно отпрянуть, будто его взгляд мог пронзить дверь насквозь.

– Поэтому в ближайшие дни к тебе направят напарника. Из Тайного отдела Его Величества. Опытного следопыта, сильного во многих видах магии. Он возьмёт на себя основную тяжесть расследования в Эсфире, но будет действовать в тесной связке с тобой. Если потребуется, поможет... и с твоими ведьмами.

Снова – тишина. Я слышала, как собственное сердце гулко колотится о рёбра. Напарник? Ещё один охотник? В этих стенах?.. Ужас сковал меня. Замок и так уже стал для меня ловушкой – а теперь в неё впускали ещё одного хищника.

– Мои условия, – наконец отрезал Ванторн. Его голос звучал так, будто он высекал каждое слово из гранита. – Полная отчётность и подчинение. Никаких самостоятельных действий без моего ведома. И – ни малейшего вмешательства в мой порядок. Ни на йоту. В противном случае пусть король ищет своего следопыта где-нибудь в окраинных лесах.

– Принято, – поспешно согласился незнакомец. – Он будет лишь твоим орудием в этом деле, Рейнар. Обещаю. Но очень эффективным орудием.

И вдруг – оба умолкли. Будто разговор прервался на полуслове.

Я затаила дыхание и прижалась ухом к холодной резной поверхности двери. Ни шагов. Ни шороха. Ни малейшего звука. Казалось, за дверью все внезапно исчезли.

Я вслушивалась изо всех сил, напрягая каждый нерв. Лишь глухой гул замка и собственный, учащённый пульс в ушах. Может, они ушли? Но как? Или...

Ощущение леденящей опасности, до боли знакомое в последние дни, внезапно пронзило меня. Я инстинктивно попятилась.

Слишком поздно.

Дверь распахнулась с такой силой, что тяжёлое полотно едва не сбило с ног. Я вскрикнула, отшатнулась – и мокрая, тяжёлая тряпка выскользнула из ослабевших от страха пальцев, с глухим шлепком падая на только что вымытый пол.

Передо мной, заполняя весь дверной проём, стоял Рейнар Ванторн. Капюшон его плаща был откинут, обнажая лицо – резкое, выточенное, словно из древнего камня.

Прежде чем я успела опомниться, он схватил меня за руку чуть выше запястья. Рывок – и я влетела в кабинет, спотыкаясь о порог.

Дверь захлопнулась сама собой.

Ванторн резко развернул меня и прижал спиной к холодной каменной стене. Его вторая рука схватила другое запястье, прижимая обе руки по бокам от головы.

Он наклонился. Лицо оказалось в сантиметре от моего. Тепло дыхания обожгло кожу. Нос защекотал тонкий аромат – древесный, пряный, опасный. Глаза яркие, голодные, смотрели прямо в душу, выворачивая наизнанку каждый страх, каждую ложь. Ноги подогнулись, а горло сжалось, будто от жара и холода одновременно.

– Ты только посмотри... – выдохнул он. – И снова эта глупая служанка оказалась в моих руках. Эсма...

Я дрожала. Взгляд метался – лихорадочный, растерянный – в поисках хоть кого-то, кто мог бы помочь. Но он заслонял собой всё. Хозяин был слишком высок и стоял близко, заполняя собой пространство кабинета. А за его спиной – пустота. Я чувствовала это остро, почти физически. Казалось, собеседник исчез, растворился в мрачном величии комнаты, будто его и не существовало вовсе.

– Никто не придёт тебе на помощь, – произнёс Ванторн с оттенком странного удовлетворения, словно только что прихлопнул надоедливую муху, слишком долго крутившуюся у него под носом.

Пальцы сжимали мои запястья – крепко, безжалостно, напоминая о его силе и моей полной беспомощности. Я испачкала его руки, но, похоже, ему было совершенно всё равно.

– Говори.

– Ч... что? – прошептала я. Голос предательски сорвался.

– Чем ты занималась возле двери?

– Я... я просто мыла полы, господин Ванторн.

– Мыла полы? – он буквально въедался в меня взглядом. – Не отрывая уха от двери? Во время разговора? Это случайность, Эсма? Или ты считаешь меня идиотом? Не советую.

Я дёрнулась, пытаюсь вырваться, но его хватка напоминала стальные капканы. Ледяной взгляд пронзал насквозь, но тело излучало пугающее живое тепло. Моё несчастное странно сердце трепетало, сжималось, и, казалось – вот-вот я умру.

– Я... я просто работала! Подошла к двери, хотела убраться в кабинете, но услышала голоса. Я ничего не подслушивала! Клянусь!

Он медленно покачал головой. В его взгляде читалась пугающая, непоколебимая уверенность – я лгу.

– Не клянись, девочка, – прошептал он еле слышно, и от этого по спине пробежал холодок. – Твои глаза кричат. Они кричат о страхе загнанного зверя. О вине... о тайне...

Хозяин наклонился. Его дыхание обдало кожу тёплым древесным ароматом с пряной, едва уловимой нотой.

– Что ты искала ночью в моём архиве, Эсма?

Теперь сердце и правда остановилось. А потом, словно вырвавшись из плена, рванулось так яростно, что в глазах потемнело. Он знал.

Я зажмурилась, пытаюсь собрать мысли, не дать панике прорваться наружу. Сделала вдох и открыла глаза. Ванторн не шелохнулся.

– Я... я ничего не искала! – выпалила я, вцепившись в тонкую соломинку лжи. – Я просто убиралась! Пыль вытирала! Вы же сами приказали генеральную уборку во всех помещениях!

Слова прозвучали жалко. Нелепо. И я это прекрасно понимала. Ложь висела в воздухе, как тяжёлый, душный пар.

– Тебе нужна тренировка, – произнёс он сухо. – Ты пока плохо врёшь. Но уверен – по-настоящему нуждаешься в искусстве скрывать правду.

– Я не вру! Я...

Я осеклась. Он молчал. Просто смотрел.

И это молчание оказалось страшнее любого крика. Оно заполнило собой весь кабинет – огромный, мрачный, с высокими сводами, пропитанный ароматами древних фолиантов, старой бумаги, воска и вечности. Казалось, даже стены, книги, запечатые артефакты и каменный пол затаили дыхание в ожидании моего признания.

Я не выдержала его взгляда. Опустила глаза, уставившись в складку тёмного плаща, совсем рядом с моим плечом. Слёзы – горячие, предательские – потекли по щекам, смывая пыль и стыд.

Что делать? Лгать дальше – бессмысленно. Признаться – значит подписать себе приговор. Сначала возвращение на остров, потом пытки... и костёр.

Я сделала единственное, что могло хотя бы отсрочить конец – решила на полуправду.

– Ладно! – выдохнула я. Голос дрожал, срываясь на всхлипы. – Я... я искала сведения о подруге. Она тоже служила здесь... цветочница... Лисса. Та самая, что пропала. У неё был договор! Я хотела найти адрес, поговорить с её матерью, с соседями... Может, найти хоть какой-то след!

Голос окончательно дрогнул, вырвался громкий всхлип. Я старалась изобразить рыдания – и не было нужды слишком притворяться. История о подруге была близка к правде. Сердце сжималось от боли, настоящей, рвущей изнутри.

– Простите, хозяин... Я знала, что нельзя... но я так за неё переживаю...

Я рискнула поднять взгляд – полный слёз, отчаянный. Всё то же непроницаемое лицо, в котором не читалось ни сочувствия, ни гнева. Только холодная, расчётливая оценка. Он смотрел на меня, как алхимик на редкий ингредиент, возможно, ядовитый.

– Подруга, – повторил он медленно, словно пробуя слово на вкус. – А ты не знаешь адреса подруги...

Взгляд скользнул по моему лицу и задержался на грязных следах слёз. Я ловила каждую чётточку в его выражении, пытаюсь понять – верит? Или просто ждёт, когда я окончательно запутаюсь?

Его пальцы вдруг ослабили хватку. Он по-прежнему удерживал меня у стены, но теперь это было скорее напоминание о власти, чем явное принуждение. Он размышлял – и это молчаливое раздумье страшило сильнее любых слов.

Возможно, я и правда плохо лгу... Но прежде никто не замечал моего обмана. Никто не пытался копать глубже. А он... он явно заинтересовался. И теперь не отступит. Не отпустит. Неужели из-за того, что где-то глубоко, несмотря на заклинание, Ванторн всё же хранил – пусть неосознанно – память о той ночи?

Как будто в подтверждение самых страшных моих догадок, он медленно провёл большим пальцем по моей горячей коже – от запястья к локтю.

Странное прикосновение: не грубое, не угрожающее... но от него по коже пробежал трепет. Я едва удержалась, чтобы не выдохнуть слишком громко. Внутри всё клокотало, и я мечтала только об одном: чтобы стены замка поглотили меня, чтобы я рассыпалась в пыль и исчезла.

И в тот самый миг, когда напряжение достигло предела, в дверь постучали.

Я вздрогнула, как от удара током. Но Ванторн лишь едва приподнял бровь. Он медленно отстранился, хотя его взгляд всё так же приковывал меня к стене.

– Кто там? – пророкотал он.

Дверь скрипнула, приоткрылась – и в проёме появилась госпожа Хельга. Обычно её лицо казалось высеченным из камня, а взгляд – стальным, выверяющим каждое движение, любую провинность. Но сейчас...

Сейчас она изменилась до неузнаваемости. Лицо – бледное, осунувшееся, глаза воспалённые, будто от слёз или бессонницы. Тугой пучок волос начинал расплзаться, словно утративший всякое терпение из-за постоянного порядка. Она ломала руки – жест, совсем не свойственный её железной натуре.

– Господин Ванторн... простите, что осмелилась... – её взгляд скользнул по моему лицу, но сразу же вернулся к хозяину. Голос дрожал, переходя в высокий, беспомощный фальцет. – Речь о моей племяннице... Сигрид... Она не вернулась домой прошлой ночью. А сегодня с утра её никто не может найти...

Она слотнула, будто пытаясь задавить подступающий к горлу ком.

– Мы обыскали всю Эсфиру... даже у старой мельницы смотрели... и... – она потёрла озябшие руки, – говорят, чародейки пропадают в городе... А она ведь чародейка... Прошу вас... помогите...

Хельга замолкла. Её плечи мелко дрожали, дыхание сбивалось. Рыдания были сдержанными, но их искренность – неоспорима – и настолько непривычна, что даже во мне на мгновение притупился собственный страх.

В кабинете повисла тяжёлая, вязкая тишина. Её нарушали только неровные всхлипы Хельги. Я стояла, всё ещё прижатая к стене, хотя Ванторн уже давно не смотрел в мою сторону.

– Выйди вон, Эсма, – произнёс он. – Но помни: мы не закончили.

Глава 7

Ближе к обеду я стояла перед Хельгой в её кабинете. Она смотрела в пустоту. Руки, обычно сложенные строго на коленях, теребили складки платья. Я никогда не видела домоправительницу такой... сломленной. Железная управляющая, бич ленивых служанок, исчезла, оставив лишь тень несчастной женщины.

– Госпожа Хельга... – начала я. – Мне... нужно на рынок. За травами для уборки. И... кое-что для себя. У меня... голова раскалывается.

Ложь казалась липкой и неловкой на языке.

Она медленно подняла осунувшееся лицо.

– Ступай, – Голос хриплый, чужой, лишённый прежней властности. – Иди куда хочешь, Эсма. Только... будь осторожна. В городе... – Она махнула рукой, словно отгоняя невидимую муху, и снова уставилась в стену. – Иди.

Стыд, острый и жгучий, сдавил горло. Пользоваться её горем, опустошённостью... Это низко. Грязно. Но выбора не осталось. Каждая минута промедления могла стать роковой. Хозяин точно не забыл о нашем «незаконченном» разговоре. А этот напарник... Ещё и артефакт... От мысли о нём по спине пробежал холодок.

– Спасибо, госпожа, – пробормотала я. – И простите...

Я выскользнула из её кабинета, чувствуя себя последней предательницей.

Воздух Эсфиры пропитался тревогой. Она висела тяжёлой пеленой, смешиваясь с запахами магии, жареного мяса и выпечки. Обычно шумный и жизнерадостный город заметно притих. Люди сбивались в кучки, перешёптывались, озирались. Их слова доносились обрывками – словно удары колокола по обнажённым нервам.

– ...я уже сбилась со счёта! Шесть? Семь? Бедные чародейки! – шипела пожилая женщина в потёртой шали у лавки зеленщика.

– Дочку не выпускаю из дома, даже днём! – вторил ей мужчина, переминаясь с ноги на ногу. – Магия какая-то!

– Эпидемия только отступила... И вот тебе на! – качал головой другой. – Прокляли нас, вот что! Весь город проклинали, говорю вам!

– Счастливой Эсфире конец, видать... – вздохнул кто-то сбоку.

Их страх заражал. Я прибавила шаг, стараясь не привлекать внимания. Если бы они знали, кто на самом деле идёт по их улицам...

Рынок жил, но и здесь царила нервная суета. Торговцы кричали тише обычного, покупатели торопились, озираясь. Я миновала ряды с овощами и тканями, свернула в узкий переулок, где ютились лавки с сомнительными товарами – сушёными головами ящериц, порошком из рогов, странными амулетами. В полумраке под навесом пряталась нужная мне лавка. Над входом висел выцветший вышитый коврик. Лавка Оракула.

Высокий, костлявый мужчина с кожей цвета старого пергамента и пронзительными, слишком молодыми для почтенного возраста глазами встретил меня молчаливым кивком. Я не стала тратить время.

– Пыльца, – прошептала я. – Сонная. Сильная. На одну ночь.

Он сверкнул глазами с подозрением.

– Плачу двойную, – добавила я, не желая лишних вопросов.

Жалованье в замке оказалось щедрым – пусть я и получила пока только за первый месяц, на пыльцу и кое-что из одежды хватит.

Оракул исчез в подсобке и вскоре вернулся с крошечным пузырьком из тёмного стекла, не больше напёрстка. Внутри мерцал бледно-сиреневый порошок. Он поставил флакон передо мной. Я протянула деньги – они тут же исчезли в складках его одежды.

– Распылить в спальне. Не вдыхать, – проскрипел он.

В его взгляде что-то промелькнуло – предупреждение? Насмешка?

– Жертва проспит не меньше суток. – добавил он. – Если, конечно, это человек.

Я ухмыльнулась. Не удивлюсь, если Ванторн – настоящий монстр. Но уж точно не жертва. Сунула пузырёк в потайной карман платья и выбежала из лавки, чувствуя на спине тяжёлый взгляд Оракула.

Следующая остановка – лавка особых нарядов. Монеты таяли на глазах, но что же делать, если я должна немедленно уносить ноги! Выбрала самый простой, но узнаваемый золотистый плащ с капюшоном и вышитым на груди символом – стилизованным солнцем в обрамлении колосьев. Плащ Святой Девы. Странствующие целительницы-магички, хранительницы древних, мирных обрядов земли и света. Их магия искрила тихо и ненавязчиво. Дев не останавливали даже на дорогах и не трогали в городах. Надев этот плащ, я стану настоящей невидимкой – святой, далёкой от мирской суеты, живущей собственным путём и милосердием.

Обратный путь преодолела быстро, даже несмотря на подъём к замку. Проскользнула через чёрный ход, прижимая к груди свёрток с плащом, и растворилась в тишине коридоров. Помчалась по лестницам вверх, на чердак, в свою каморку.

Там дрожащими руками подготовила снотворное. Высыпала мерцающую сиреневую пыльцу в маленькую костяную трубочку, запечатанную с одного конца воском. Достаточно будет подуть – направить под дверь спальни Ванторна – и пыльца рассеется, как дым.

Спрятала трубочку и золотой плащ под доски пола, рядом с жалкими остатками сбережений и крошечным свёртком с личными вещами. Осталось дожидаться ночи.

Теперь – за уборку. Нужно вести себя как обычно, будто я просто вернулась с рынка. Но нервы балансировали на пределе. Сердце бешено колотилось, ладони потели. Я торопливо шла по знакомому коридору первого этажа, направляясь на кухню – отдать купленные специи кухарке, для отвода глаз.

Мысли путались: договор, архив, заветное, Лисса, её мать, Ванторн, напарник, артефакт, Сигрид, Хельга... Как же всё так закрутилось?!

Я не заметила его... пока не врезалась.

Отшатнувшись, едва удержалась на ногах.

Передо мной стоял мужчина.

Высокий. Поджарый. Одетый с ног до головы в чёрное: кожаный жакет, тёмные брюки, массивные сапоги, визуально добавлявшие ему росту, хотя он и так казался таким же высоким, как Ванторн. На губах играла полуулыбка – лёгкая, с оттенком насмешки. Щетина подчёркивала резкость скул. Волосы свободно спадали на плечи, оттеняя ровный, чуть загорелый тон кожи.

Но взгляд приковало не это.

Глаза.

Живые, почти нереальные. Льдисто-прозрачные – и в то же время полные огня. Вокруг каждого зрачка – десяток крошечных искр, похожих на миниатюрные факелы. Это казалось невозможным.

Он слегка склонил голову набок, разглядывая меня с живым интересом, а я не могла оторвать взора от его глаз.

Кто он?

– Эсма!

Голос хлестнул, как плеть – резкий, холодный, до боли знакомый. Сердце сжалось. Из арки, ведущей в гостиную, вышел Рейнар Ванторн.

Он двигался беззвучно, как тень, но его мгновенно налилось тяжестью. Пронизывающий взгляд скользнул по мне, задержался на мужчине в чёрном. Мгновение – и он будто что-то прикинул, взвесил. Потом снова посмотрел на меня.

– Уходи.

Голос – ровный, без эмоций. Тон, не допускающий возражений.

Я застыла, будто вросла в каменный пол. Ноги не слушались. Воздух стал густым, вязким, как перед грозой. Они оба не отрывали от меня глаз. Один – лёд. Непроницаемый, вековой холод, от которого немеют пальцы. Другой – пламя. Пытливое, живое, с искрами в светлых глазах.

Два хищника.

Два охотника.

А я – дрожащая жертва между ними.

– Вон! – пророкотал Ванторн.

Оцепенение тут же сорвало. Я метнулась прочь, ощущая их взгляды на спине – ледяной и обжигающий, до тех пор, пока не свернула за поворот. Ноги сами несли вперёд, по знакомым коридорам, как в забытом кошмаре, от которого никак не проснуться.

Ворвалась на кухню, едва не сбив с ног Тома, несшего поднос с грязной посудой. Прислонилась к прохладной каменной стене, пытаюсь отдышаться, заглушить бешеный стук сердца.

– Эсма? Ты чего, белены объелась? – Марта уставилась на меня, растягивая улыбку на добродушном лице. Вытирая руки о передник, она склонилась над столом, где лежало такое же пышное, тёплое тесто, как и она сама.

– Н-ничего, Марта, – выдохнула я, пытаюсь взять себя в руки. – Просто... кто он? Тот человек... в чёрном? – спросила я, надеясь, что голос не выдаст излишнего волнения.

Том мгновенно поставил поднос на чистый стол прямо перед носом посудомойки. Та недовольно сморщила и без того испещрённое морщинами лицо, но Том на неё не смотрел.

– О, это он! Я как раз проходил мимо, когда он подъехал! На пегасе – чёрном, как сама ночь! И глаза у него... ты видела его глаза?!

– Видела, – пробормотала я.

– Напарник хозяина! – сказал Том, преисполненный важности. – Прислан самим королём! Так стражники говорили! Имя у него только... э-э... странное такое...

– Мориан Вейдрич... – прошептала Эмилия, входя с вязанкой дров. Щёки у неё порозовели, глаза округлились. – Он такой... Я никогда не видела подобного красавца. И взгляд...

– Эмилия! – рявкнула Марта, хлопнув её полотенцем по мягкому месту. – Хватит вздыхать! Молодой служанке не пристало глазеть на господских гостей! Уже всё выведала, ишь ты!

– Мне всего лишь велено подготовить ему комнаты к утру, – буркнула Эмилия, потирая ушибленное место.

– А ты, – Марта обернулась к Тому, – носишься тут, как угорелый, и суёшь нос куда попало! Когда-нибудь и потеряешь его, воробушек любопытный! Марш к корыту – картошку чистить! И чтоб без разговоров!

Том насупился, но подчинился, поплёлся к огромной бадье в углу. Марта покачала головой, вздохнула и снова взялась за тесто.

– Напарник... – прошептала я, ощущая, как по спине медленно ползёт холод.

Ничего хорошего. Совсем ничего. Королевский охотник на ведьм, присланный в помощь Ванторну. Глаза – пылающие, как раскалённый уголь, – противоположность ледяному хозяину замка, но не менее страшный.

Два хищника в одном логове.

Мои шансы на выживание... упали.

Нет – их просто не осталось.

Всё хуже некуда.

Но ничего. Сегодня ночью я уйду. Покину этот проклятый замок, даже если не удастся раздобыть договор. Просто исчезну. В горы. В другое королевство. В любую дыру на краю карты – лишь бы подальше от этого города. Только бы выжить.

День тянулся мучительно медленно.

Я боялась столкнуться с Ванторном и его «незаконченным разговором» или с Вейдричем – с его пронзительным, искрящимся взглядом. К счастью, ничего такого не случилось.

Хельга уехала к сестре – искать пропавшую племянницу. А к вечеру и сам гость отправился в гостиницу. По крайней мере, до завтра он больше не появится.

И это позволяло дышать чуть свободнее.

Когда замок окончательно погрузился в ночную тишину – нарушаемую лишь гулким эхом ледяных часов в подвалах, да завыванием ветра в печных трубах, – я начала действовать.

Бесшумно спустившись на второй этаж, добралась до спальни хозяина и затаилась в нише за тяжёлым резным комодом. Я ждала.

И вот наконец – тусклая полоска света под дверью исчезла. Выждав ещё минуту, я осторожно приблизилась. Со стен сурово взирали портреты предков Ванторна, как будто осуждали и запугивали, но, к счастью, ничего не могли поделать.

Я вынула из кармана заранее приготовленную пыльцу и, не теряя ни секунды, распылила её под дверью.

Готово.

Всё-таки ты молодец, Стрекоза. Как ни крути!

Мысленно я усмехнулась.

Убедившись, что в комнате – ни звука, вернулась на чердак.

Быстро собрала жалкий скарб в узелок: золотой плащ Святой Девы, остатки сбережений, костяную трубочку – теперь уже пустую, крошечный свёрток с личными вещами – всё, что у меня было в этом мире.

Нести багаж с собой к кабинету Ванторна – безумие. Но быть готовой к бегству – разумно.

Я спустилась по чёрной лестнице на первый этаж. В эту часть замка почти никто не заглядывал – здесь было тихо, укрыто от чужих глаз, и, казалось, безопаснее всего. Я спрятала узелок под ступенями. Чёрный выход находился совсем рядом – идеально для побега.

Но что-то беспокойное скользнуло по спине, словно ветер щекотнул затылок. Я медленно обернулась – туда, где в тени кирпичной ниши затаилась тяжёлая дверь, обитая железом. Я уже видела её раньше и знала, что вход запрещён под страхом смерти. Она всегда была надёжно заперта изнутри.

Я бросила на дверь беглый взгляд – и замерла.

Она была приоткрыта.

Из тьмы сочился дрожащий свет. Следом за ним – звук.

Сначала скрежет. Глухой, навязчивый, будто когти царапали по металлу. Раз за разом, с тупым, обречённым упорством.

Потом – тихое подвывание. Тонкое, беззащитное.

Звук проник в кости, задрожал в рёбрах, сбивая сердце с привычного ритма. Это был зов – не к разуму, а глубже, туда, где течёт ведьмовская кровь.

Я резко отступила. Всё, хватит. Просто уйти. Забыть про кабинет и договор. Сбежать через чёрный ход – в лес, в горы, в другое королевство, куда угодно. Лишь бы подальше отсюда.

Я уже схватилась за узелок...

И вдруг подвывание превратилось в стон. Глубокий и хриплый. Полный боли. Одиночества. И... надежды?

Я застыла. Внутри отозвалось что-то древнее. Спящее, но живое. Этот голос... Казалось, он знал именно меня.

Я стояла на грани: одной ногой в спасении, другой – у самого края чёрной бездны за приоткрытой дверью.

По спине стекал пот. В голове пульсировала мысль: ты не обязана идти туда. Ты можешь просто убежать.

Но кровь ведьмы шептала иное.

Я снова посмотрела на дверь.

Бежать?

Или шагнуть в неизвестность?

Я приблизилась к двери.

Стон... Он пробирался глубже страха, касаясь чего-то древнего, тёмного и сострадательного, что жило во мне, вопреки запретам. Кровь ведьмы-целительницы – проклятие и дар – отзывалась тревожным эхом. Вдруг кому-то плохо? Или нужна помощь?

Ванторн спит. Пыльца подействовала – в этом я не сомневалась. Я в безопасности. Значит... ничего не случится, если лишь мельком загляну. Совсем ненадолго.

Шаг. Я – внутри.

Ещё шаг.

В глаза ударил серебристый свет: ледяные факелы, прикрепленные к стенам, отбрасывали тусклое, дрожащее сияние. Настоящее чудо – не иначе как творение великого мастера. Свет скользил по камню солнечными зайчиками, подчёркивая густую, почти осязаемую тьму коридора.

Вместо ожидаемой сырости и плесени воздух был напоён ароматами трав. Ромашка... календула... ещё что-то знакомое...

Чабрец и эфихордра! Точно.

Когда мама ещё была жива, мы однажды нашли её в лесу неподалёку от корпуса проклятых. Мама тогда сказала, что это единственное средство при спутанном сознании. Но кто здесь мог... зачем?

Скрежет. Повторился.

Я кралась вдоль коридора, минуя дверь за дверью, и вдруг – за одной из них – услышала тихий плач. Приблизилась.

Прижалась ухом к шершавой поверхности. Дубовые доски, изъеденные временем, неожиданно оказались тёплыми.

– Кто там? – прошептала едва слышно. Голос дрогнул, сорвался от напряжения. – Вам... плохо?

Подвывание резко оборвалось. Наступила звенящая, почти осязаемая тишина. Казалось, сам замок затаил дыхание.

Я замерла, прислушиваясь.

Звук вернулся. Теперь он казался громче. Настойчивее. И в нём всё отчётливее проступали нотки... плача?

Ребёнок? Женщина?

Этого было достаточно. Кто-то живой. Запертый во мраке. Какие могут быть сомнения? Как я вообще могла думать о бегстве?

Схватила за холодную железную скобу и потянула.

Никак.

Дёрнула сильнее – дверь не поддавалась. Заперта. Изнутри? Или снаружи?

Навалилась плечом – массивные створки глухо ахнули, но остались неподвижны.

Шпилька. Где она? Руки дрожали, пальцы скользнули в карман фартука. Это безумие. Чистое безумие! Но я уже вставляла тонкий кончик шпильки в замочную скважину.

Уши горели. Спина намокла. Сердце колотилось. Ещё секунда... ещё...

Щелчок.

Тихий, но такой отчётливый.

Замок сдался.

Я замерла. Прислушалась. Плач стих. Осторожно толкнула дверь плечом. Она со скрипом отворилась, выпуская из щели свежий аромат хвои.

Внутри – густой мрак. Когда глаза немного привыкли, я различила окно – через его стекло тускло смотрели звёзды, словно молчаливые стражи ночи.

– Есть кто-нибудь? – прошептала я. Эхо прокатилось по стенам, растворившись в пустоте. Ответа не было.

Треск.

Я вздрогнула.

На стене у окна вспыхнул камень – холодным внутренним светом.

Треск.

Ещё один – резко, ярко.

Треск.

Третий.

Свет полосами расползлся по стенам, выхватывая очертания круглой комнаты.

Ещё несколько один за другим.

Раз... Два... Три...

Что это? Ловушка? Ритуал?

Свет наполнил пространство.

У дальней стены, на ковре, скорчившись в тени, сидела маленькая фигурка. Мальчик лет шести, не больше. В чистой дорогой одежде, с аккуратно зачёсанными волосами. Он поджал ноги и уткнул лицо в колени; хрупкие плечи подрагивали от сдерживаемого плача.

– Эй... – шепнула я, делая шаг вперёд. – Малыш? Что ты здесь делаешь? Кто ты?

Плач оборвался; ребёнок медленно поднял голову.

Тепло мгновенно исчезло из тела. Сердце замерло – и тут же сорвалось с цепи, захлестнув вены ледяной кровью.

Кожа ребёнка – мертвенно-бледная, с синеватым отливом. А глаза... Боже, глаза! Два раскалённых уголька, пульсирующих багровым пламенем. Тонкие синюшные губы растянулись в оскале, обнажая ряд мелких, игольчатых клыков. Он шипел – смесь змеиного предупреждения и рыка голодного волка.

Я оцепенела. Ужас стянул мышцы, задушил волю. Это не ребёнок. Не человек. Инстинкт выживания вопил, но ноги будто вросли в каменный пол. И всё же... даже теперь, сквозь липкий страх, я чувствовала зов. В нём слышалась мольба. Призыв о помощи.

Чудовищный мальчик двигался неестественно плавно, словно плыл по воздуху. Пылающие зрачки впились в меня жадной, плотоядной сосредоточенностью. Шаг. Ещё шаг. Когти – да, когти! – заскрежетали по камню, рождая тот самый жуткий скрип. От него веяло ледяной пустотой.

Я не могла шелохнуться.

Вдруг чья-то рука капканом сомкнулась на талии и рванула меня назад. Я вскрикнула. Дверь с оглушительным грохотом захлопнулась перед самым носом наступающего создания, отрезая вид его горящих глаз. В тот же миг мне вывернули руку с такой силой, что кости хрустнули, а боль пронзила тело, заставив слёзы брызнуть из глаз. Я оказалась прижата спиной к твёрдому телу.

Горячее дыхание коснулось уха. Шёпот напомнил шелест камыша на мёртвом озере – и именно поэтому был невыносимо страшен.

– Попалась, маленькая шпионка!

Рейнар Ванторн.

Он не спал?!

Глава 8

Невыносимо тяжёлый взгляд прожигал затылок. Чистый, первобытный страх сжал горло и парализовал тело. Я едва дышала.

– Что ты здесь делаешь? – прорычал хозяин.

Попыталась пошевелиться, но хватка только усилилась.

– Я... я услышала плач, – выдавила я, предательски дрожащим голосом. – Детский плач. Я подумала... вдруг кому-то плохо. Может, нужна помощь...

Какая ирония – впервые я говорила правду.

– И ты решила, что запреты тебя не касаются? – его голос превратился в зловеющий шёпот. – Неужели не знала, глупая служанка: вход в эту часть замка строго воспрещён. Под страхом смерти, Эсма.

Жар сменялся ознобом, сердце металось в груди, как птица в клетке. Ароматы трав, прежде приятные, теперь казались удушающими.

– Дверь... она была открыта, – пробормотала я, вцепившись в эту хрупкую, отчаянную соломинку. – А плач... он звучал так жалобно... Простите... я не хотела...

– Дверь не могла быть открыта.

– Но была! – Слезы хлынули сами собой. – Простите меня... пожалуйста...

– Прощение, – холодно произнёс он, – ты должна была подумать об этом заранее.

На лоб упала прядь волос, сбитая его дыханием. Вот и всё. Столько страхов. Столько попыток выжить. Столько тайных планов, ночных шагов, шорохов в темноте... И всё закончится здесь, в этом мрачном коридоре. Из-за того, что посмела ступить на запретную территорию. Глупо. Бездарно. Обидно.

– Отпустите меня, прошу...

– Ты сунула нос, куда не следовало.

Свет факелов дрогнул, будто подтверждая тяжесть моего преступления.

– Пожалуйста... – Голос казался чужим, хриплым от отчаяния. – Я уеду. Сейчас же. Так далеко, что вы больше никогда обо мне не услышите. Никто меня не найдёт. Клянусь... Только отпустите...

Повисло молчание. Близость изматывала натянутые нервы. Я спиной чувствовала, как вздымается его грудь. Слышала собственное дыхание – рваное, предательски громкое.

– Ты подписала себе приговор, Эсма, – произнёс он, поднимая вторую руку к моей холодной шее и медленно сжимая пальцы. – Ещё той ночью, когда осмелилась сунуться в архив. До этого я считал тебя глупой служанкой. Но после... пересмотрел своё мнение. Теперь я уверен: ты что-то замышляешь. И пока я не узнаю, что...

– Нет! Клянусь...

– Тише.

Ладонь взметнулась к моему лицу и зажала рот. Первая реакция – укусить, вырваться... Но я подавила инстинкт. Сейчас – нельзя. Так совсем станет плохо. Я застыла, не сопротивляясь, лишь дыхание сбивалось в судорожном ритме. Только когда он убедился, что я больше не дёргаюсь, медленно вернул руку на шею.

– Что вы со мной сделаете? – прошептала я.

Пока он обдумывал ответ – если вообще собирался отвечать, – воображение рисовало самые мрачные картины: пытки... магический артефакт... Мориан Вейдрич с глазами, полными огненных искр... Комната в запретном коридоре, по соседству со странным ребёнком. Или – безымянная могила где-то в подземельях замка. Один вариант лучше другого.

– Если хочешь прожить дольше следующих пяти минут, – наконец заговорил он, – закрой рот. Иди рядом. И если по пути мы кого-нибудь встретим, и ты хоть пикнешь – умрёшь. Поняла?

Я кивнула.

Но стоило ему ослабить хватку на талии – инстинкт вспыхнул, как спичка. Я рванулась. Всего на шаг. Отчаянный, слепой рывок к призрачной свободе.

Роковая ошибка.

Я даже не успела понять, что произошло. В воздухе мелькнула тусклая полоска синеватого света – тонкая, как паутина, но обжигающе прочная. Она сомкнулась вокруг моих запястий, стянула их с неожиданной силой, и рывком потянула назад – к поясу Ванторна.

Магическая лента – холодная, невидимая, и в то же время пугающе реальная – обвила запястья, обжигая кожу леденящим прикосновением. Она будто проникала под кожу, оставляя за собой следы инея. Я дёрнулась – и тут же боль вспыхнула в руках, будто по венам хлынуло пламя.

– Ох!

– Попытка бежать непременно вызовет боль, – произнёс Ванторн, не моргнув. Его лицо оставалось каменной маской. – Вперёд.

Лента туго стягивала запястья, незримо, но неумолимо, сама задавала направление и расстояние. Я шагала рядом с хозяином – пленница, скованная шёлковой цепью.

Вот и его спальня – та самая дверь, под которую я с такой уверенностью распылила сонный порошок... Но хозяин, вопреки всему, не уснул. Почему?

Ванторн вставил ключ в замок и повернул. Замок щёлкнул, петли жалобно скрипнули. Он вошёл первым. Магическая лента потянула меня следом. Дверь захлопнулась за спиной с глухим, неумолимым звуком – последняя надежда рассыпалась в прах.

Я огляделась. Комната была просторной, аскетичной и пугающе холодной – как и её хозяин. Каменные стены. Тяжёлая, мрачная мебель. Широкое окно, за которым колыхался ночной мрак. Ни одной безделушки, ни единой мелочи, что могла бы намекнуть на тепло или жизнь.

Магическая лента исчезла – просто растаяла в воздухе. Я сделала робкий шаг и потёрла покрасневшие запястья.

– Что... что будет теперь?

Он снял чёрный плащ и небрежно бросил его на спинку кресла. Затем начал мерно шагать по комнате – туда и обратно, из угла в угол, словно хищник, запертый в клетке, который знает: добыча рядом и уже никуда не денется.

Я медленно опустилась на пол, в самый угол, прислонившись спиной к холодному камню. Уронила руки на колени, прижалась к ним лбом, пытаюсь унять нарастающую панику.

Время тянулось мучительно. В противоположном углу тикал маятник огромных напольных часов – единственный звук, помимо его шагов, – отмерял последние минуты... моей свободы, а, быть может, и самой жизни. Взгляд Ванторна снова и снова скользил по мне. Изучал. Вздвешивал.

Какую казнь он сочтёт достойной? Быструю... или медленную? С участием Вейдрича? Или... того мальчика?

Вспышкой в памяти всплыл образ алых, горящих глаз. Меня снова затрясло. Зов по-прежнему не отпускал. Он всё ещё жил внутри, пульсировал болью в висках, как отравленный голос, проникший в самую плоть.

Мысли лихорадочно метались.

Лисса.

Я так и не узнала, что с ней. И, похоже, уже никогда не узнаю. А её мама на меня надеялась! Но теперь я даже извиниться перед ней не смогу.

Плащ Святой Девы и мои жалкие сбережения – под лестницей, так близко от чёрного хода... и в то же время бесконечно далеко от меня. Там же – узелок с пожитками. Всё, что осталось. Но теперь я лишилась и этого.

Я подняла глаза – и тут же пожалела. На противоположной стене висел небольшой зеркальный жезл – вытянутый, в железной раме. И от него исходило слабое, пульсирующее свечение – синеватый отблеск, видимый лишь моему ведьмовскому зрению. Он тянул из комнаты тепло, как вампир, оставляя после себя гулкий озноб.

Никаких сомнений – это тот самый артефакт. Один неверный шаг, одно произвольное движение силы – и он сожжёт меня изнутри, вывернет суть, выставив на всеобщее обозрение.

Я снова устала на колени.

Шаги стихли совсем рядом.

Медленно подняла голову. Лицо хозяина скрывалось в тени, но тяжесть его взгляда чувствовалась почти физически.

Я поняла: всё решено. Финал кошмарной ночи наступил.

– Встань, – приказал Ванторн.

Сердце замерло, затаившись в ожидании удара. Я вонзила ногти в ладони, силой заставляя дрожащие ноги повиноваться. Преодолевая оцепенение, медленно поднялась с ледяного пола.

Я взглянула ему прямо в глаза.

– Ты останешься здесь, – его голос прорезал давящую тишину. – В этой комнате. Будешь убираться, выполнять мои поручения. Всегда на виду – чтобы у тебя не возникло соблазна... поделиться увиденным. Останешься, пока я не разберусь, кто ты такая и зачем пришла. А дальше... посмотрим.

Здесь? В его логове? Что за изощрённая пытка... Узница в спальне охотника – разве может быть что-то страшнее для беглой ведьмы?

– Я не могу... здесь... – голос предательски дрогнул.

– Ничего не поделаешь.

– Но... где я буду спать? – вырвалось прежде, чем я успела подумать. Щёки вспыхнули. Хозяин медленно скользнул по мне взглядом, холодным и изучающим.

– Об этом не беспокойся. Будешь спать на террасе.

– А если...

– Я не намерен больше ничего обсуждать, – отрезал он.

– Мои вещи...

– Забудь о них. Ты никуда не пойдёшь. Ни за вещами, ни из этой комнаты. Пока я не решу иначе.

Он сделал шаг вперёд. Я инстинктивно отпрянула, и упёрлась спиной в холодную стену. Бежать – некуда.

Ванторн схватил меня за запястье. Я дёрнулась, но хватка оказалась крепкой, как стальные тиски.

– Что вы... – начала я, но он не дал договорить.

Другой рукой он начертал в воздухе странный знак. Пространство будто загустело, заклохалось, заискрилось синим. В следующую секунду резкая, жгучая боль пронзила руку – как будто раскалённую иглу вонзили прямо в кость. Я вскрикнула, пытаюсь вырваться, но его пальцы лишь сильнее сомкнулись на коже, не давая ни малейшего шанса на побег.

Искры слились в витиеватый узор – нечто среднее между руной заключения и стилизованным волчьим оскалом. Он светился тусклым, зловещим синим светом... а затем вжёгся в кожу, оставив шрам цвета старого серебра.

Боль уступила место ледяному холоду, пробирающему до костей. В ту же секунду я почувствовала тяжесть – будто к руке приковали цепь.

– Клеймо, – произнёс Ванторн, отпуская меня.

Я судорожно схватилась за запястье – шрам пульсировал, словно жил собственной жизнью.

– Попробуешь пересечь порог без моего разрешения... – он сделал паузу, и в ледяных глазах мелькнул хищный отблеск, – будет больно. Возможно, смертельно. Запомни.

Я сжала запястье, пытаюсь согреть озябшую плоть и заглушить ощущение незримой границы, преграждающей путь. Я была заперта. Надёжно. Бессрочно. В самом сердце вражеской крепости.

Хозяин направился к массивному дубовому столу у окна – словно только что обсудил что-то обыденное, вроде погоды.

Взгляд невольно скользнул к зеркальному артефакту. Его пульсирующее, синеватое свечение, доступное лишь моему глазу, словно усилилось.

Он чувствовал меня. Чувствовал мою силу, заключённую внутри. И ждал.

Ждал момента, чтобы прикоснуться к моему лбу.

Хозяин сел за массивный дубовый стол, медленно отодвигая в сторону стопку пергаментов, испещрённых печатями. Бледное сияние настольной лампы скользило по его лицу, вырезая зловещие тени на скулах и подбородке. Он потянулся к гусиному перу, обмакнул его в чернильницу с густой, чёрной жидкостью. Почему не взять обычную ручку?

На чистом листе начали появляться чёткие линии, буквы. Ни одной помарки, ни единого колебания – движения были уверенными, точными. Мне за всю жизнь так не научиться!

Казалось, Ванторн был целиком поглощён своим занятием: учёт, приказы, планы охоты?.. Я не знала. Ноги затекли от долгой неподвижности, а клеймо на запястье ныло.

Не отрываясь от бумаг, он бросил через плечо:

– Что ты тут стоишь? Как статуя скорби.

Я вздрогнула, оторвав взгляд от его спины. Что мне было делать? Станцевать? Упасть в ноги? Раствориться в воздухе? Но вслух я лишь тихо спросила:

– А что мне ещё остаётся?

Он на миг застыл, перо зависло над пергаментом. Затем медленно обернулся. Его взгляд – тяжёлый, пронизывающий – впился в моё лицо.

– Иди спать, – сказал он с убийственной простотой.

Он встал и направился к неприметной двери в глубине комнаты, рядом с книжными шкафами. Достал ключ из кармана и повернул в замке. За дверью зияла ночь – густая, сырая, с запахом дождя и каменной пыли. Громыкнуло так близко, что в окнах дрогнули стёкла.

– На террасу, – коротко бросил он, указывая жестом в тёмный проём. – Твоя спальня на сегодня. И на ближайшее время.

Я подошла к порогу, растерянная. Заглянула внутрь. Там простиралась узкая каменная площадка, опоясывающая угол башни. Без крыши, без стен – только низкая балюстрада, местами обрушенная. Над головой ворочались тяжёлые тучи, озаряемые вспышками молний. Первые капли дождя шлёпнулись мне на лицо.

Посреди открытого уступа стояла старая скамья. Рядом валялись осколки каменных балясин, остатки когда-то существовавшего балкона.

– Но... здесь же дождь... – прошептала я, не веря.

– Можешь не пытаться сбежать, – его голос прозвучал у самого уха. Я вздрогнула. Он стоял совсем близко. – Отсюда только один выход – вниз. Да и клеймо... – он скользнул взглядом по моему запястью, – не даст забыть о границах.

– Я помню, – выдохнула я.

– Тогда спокойной ночи, Эсма, – произнёс он, и в голосе скользнула тень: сарказм или удовлетворение от хорошо исполненного унижения.

Дверь захлопнулась.

Я осталась одна. На краю жизни. Под разверзнутыми небесами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.